ГОРЬКИЙ — М. М. ПРИШВИН

Первые литературные шаги Михаила Михайловича *Пришвина* (1873—1954) были сразу замечены и высоко оценены Горьким. Горький предложил Пришвину издать собрание его рассказов в «Знании». С этим связано начало переписки, открывающейся письмом Пришвина Горькому от 13 сентября 1911 г. По возвращении Горького в Россию состоялось личное знакомство писателей. Однако, по свидетельству Пришвина, их встречи были немногочисленными. «Все прочли дружеское предисловие А. М. Горького к моим книгам,— писал Пришвин,— и многие думают, что мы с Горьким были большими личными друзьями. Между тем, мы с Горьким почти не имели никаких личных соприкосновений в жизни. Раза четыре-пять всего за всю жизнь я встречался с Горьким...» («Мои читатели».— «Наши достижения», 1936, № 9, стр. 140—141). Одна из таких встреч состоялась, очевидно, в канун наступающего 1915 г. (см. письмо 3). Знаменательная для Пришвина новогодняя беседа с Горьким воспроизведена им в автобиографическом романе «Кащеева цепь» («звено» двенадцатое, глава «Житие»).

Писатели встречались, кроме того, в 1915 г. в Финляндии, в деревне Нейвола (см. воспоминания Д. Семеновского «А. М. Горький. Письма и встречи».— В сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, и статью Пришвина «Любимая земля».—«Огонек», 1945, № 44).

В статье «Мятежный наказ» Пришвин вспоминает о встрече, которая состоялась 18 декабря 1916 г., «...в тот вечер, когда Распутина искали в воде» (см. в кн.: «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева. М., Госиздат, 1928, стр. 194—195). О встрече в Петрограде в 1917 г. напоминает Пришвин Горькому в письме от 2 февраля 1927 г. (см. письмо 17).

О свиданиях Пришвина с Горьким в послеоктябрьский период сведений не имеется. Но многолетняя переписка связала писателей тесными узами.

К сожалению, дореволюционные письма Горького не сохранились. За 1911—1915 гг. мы располагаем лишь пятью письмами Пришвина.

Горький был наиболее проникновенным истолкователем творчества Пришвина. В своих письмах, как и статьях («О М. М. Пришвине», предисловие к «Моему очерку»), он первый раскрыл исключительное своеобразие и глубокую значительность дарования и мироощущения Пришвина. Можно без преувеличения сказать, что Горький откликался почти на каждое новое произведение Пришвина. Пришвин придавал большое значение горьковским письмам, намереваясь опубликовать их полностью.

«Мне хочется их издать,— писал он, — с такими комментариями, чтобы из книжки ясно открывался бы путь от читателя к настоящему критику, расставляющему вехи писателю по пути к его будущему. Для меня лично такой вехой стоит создание нового мироощущения» («Наши достижения», 1936, № 9, стр. 142). В свою очередь, бесспорный интерес представляют письма Пришвина. Они содержат суждения о ряде произведений Горького: «Детство», «Ледоход», «Отшельник», «Жизнь Клима Самгина» и др. В них много данных для изучения истории создания романа «Кащеева цепь» и некоторых других произведений Пришвина, и они являются ценным материалом для осмысления сложной, порой противоречивой эволюции писателя.

Четыре письма Горького опубликованы в т. 29 (№№ 780, 789, 834) и в т. 30 (№ 1122).

Ниже публикуются пятнадцать писем Горького к Пришвину и двадцать писем Пришвина к Горькому.

1

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Новгород, 13 сент⟨ября⟩ 1911 г.

Простите — не знаю вашего житейского имени, глубокоуважаемый и дорогой мне «Максим Горький». Писали мне, что вы желали бы иметь мою книгу «В краю непуганых птиц» [1]. Вот я вам ее и посылаю. Боюсь только, не понравится. Это была моя первая проба писать. Но там есть ценные материалы о русской жизни, и, быть может, они вам как-нибудь пригодятся.

Потом посылаю еще вам оттиски своих рассказов «У горелого пня», «Черный араб», «Птичье кладбище» и «Крутоярский зверь» [2]. Это всё вы, вероятно, читали, и посылаю я их собственно для «Знания». Виктор Сергеевич [3] писал мне, что издательство принципиально согласно издать мою книгу, содержащую эти рассказы и «Колобок» [4], который вы теперь уже наверно получили от Виктора Сергеевича. «Колобок» с рассказами составляют вторую половину моего литературного пути, так же, как «Непуганые птицы» и «У стен града невидимого» [5]— первую. После когда-нибудь я издам и эти книги вместе, но теперь хочется мне пустить «Колобок» с рассказами, под общим названием «Рассказы и очерки».

Девриен [6] разрешил мне издать «Колобок» с условием, чтобы где-нибудь было упомянуто о нем, Девриене, и чтобы я уплатил ему свой *долг*. Вот почему я и заломил с издательства, быть может, больше, чем следовало.

Так что я вот и посылаю вам оттиски, как велено мне Виктором Сергеевичем, а он мне должно быть скоро ответит об окончательном решении «Знания»: издавать мою книгу, или не издавать [7].

Кланяюсь вам низко. И Новгород вам кланяется, и Волхов кланяется, и св. София.

Сейчас плоты плывут по Волхову, и с моста кричат: «Никола в путь». Вот и вам так же из Новгорода желаю: Никола в путь!

М. Пришвин

Новгород.
Софийская сторона, Лугинская ул.
дом Перовой,
Михаилу Михайловичу Пришвину.

[1] М. М. Пришвин. В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края. С 66-ю рисунками по снимкам с натуры автора и П. П. Ползунова. СПб., изд. А. Ф. Девриена, 1907. О желании иметь книгу «В краю непуганых птиц» Горький писал П. Романову в августе 1911 г.: «Встретив Пришвина, будьте добры передать ему мой сердечный привет. Я в великом восторге от „Черного араба“ — это чудесная вещь! И очень хорошо „Птичье кладбище“. Не укажет ли он: где могу найти его книгу „Край непуганых птиц“? Не пришлете ли ее? Что он — специалист-орнитолог? Удивительное знание птицы у него!» (АГ).

[2] «У горелого пня».— «Аполлон», 1910, № 7; «Черный араб. Степные эскизы».— «Русская мысль», 1910, № 11; «Птичье кладбище. Сельские эскизы».— «Русская мысль», 1911, № 7; «Крутоярский зверь».— Альманах «Шиповник», кн. 15. СПб., 1911.

[3] Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939), журналист, издатель и редактор. В 1911 г. Миролюбов был привлечен Горьким к редактированию изданий «Знания». Подробнее см. Горький — Тренев, письмо 1, прим. 8.

[4] «За волшебным колобком. Из записок на крайнем севере России и Норвегии». С рисунками Г. Д. Дэнглас-Юма. СПб., изд. А. Ф. Девриена, 1908. В 1923 г. очерки вышли в изд-ве Л. Д. Френкеля (М.) под названием «Колобок».

Горький писал В. С. Миролюбову в начале сентября 1911 г.: «Пришвину скажите, что „Знание“ ничего не имеет против издания его книги и чтобы он присылал оттиски» (т. 29, с. 184).

[5] «У стен града невидимого».— «Русская мысль», 1909, кн. 1, 2, 3. В 1909 г. очерки были изданы отдельной книгой т-вом И. Н. Кушнарева (М.). В третьем томе сочинений Пришвина, выпущенных изд-вом «Знание» (СПб., 1914), очерки печатались под названием «Светлое озеро» (без первой главы «Черный сад» и с незначительными

сокращениями). В дальнейшем название «Светлое озеро» закрепилось за очерками.

[6] Альфред Федорович *Девриен* (1842— ?) — петербургский издатель. Издательство Девриена наряду с литературой для детей и юношества выпускало книги, где содержалось географическое описание различных областей России.

Девриен был первым издателем, обратившим внимание на этнографические очерки Пришвина «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком».

[7] В течение 1912—1914 гг. «Знание» (СПб.) выпустило три тома Сочинений М. М. Пришвина: т. 1. Рассказы, 1912; т. 2. Очерки: «К варягам», «Выговский край», 1913; т. 3. «Славны бубны» и другие рассказы, 1914.

2

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Новгород. Конец сентября — октябрь 1911 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Пишете вы мне, что Конст⟨антин⟩ Петр⟨ович⟩ Пятницкий [1] «деловые слова» мне шлет. А я от него ничего не получаю в ответ на свое деловое письмо. «Колобок» в исправленном виде послал В. С. Миролюбову в Sestri Levante для пересылки в «Знание» [2]. Боюсь, не потерялся ли он, ибо Викт⟨ор⟩ Серг⟨еевич⟩ все перелетывает с места на место.

Будьте добры, скажите Пятницкому о моем беспокойстве. Вероятно, что-нибудь недоброе случилось: или «Колобок» затерялся в пути, или Викт⟨ору⟩ Сергеев⟨ичу⟩ худо стало или какая-нибудь вообще заминка с изданием моей книги.

«Плясал,— пишете вы,— когда прочел „Черн⟨ого⟩ араба“»[3], а вот у меня дома, как прочли ваше письмо, стали меня качать, здорово качали, пришлось отступного поставить. В этот же день еще убил я петуха (тетерева), куропаток пару, что по этому времени и возле Новгорода случай редкий. И за это качали. Словом, день вышел хороший. А так я теперь всё под крышей сижу, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ близко к крыше, чуть форточку открыл — коты лезут, сердитые, голодные, другой раз войдешь — испугаешься. День и ночь дождь барабанит по крыше, крыша железная. Сад у соседей опал, вчера последний подсолнух срезали, снегири и синицы перебрались из леса рябину щипать, зайцы зим⟨ние⟩ белеют — приметка: зима будет ранняя, белки сизые стали, налим пошел.

Ну, всего хорошего. А Пятницкого расшевелите.

М. Пришвин

Новг⟨ород⟩.
Софийская ст⟨орона⟩. Лугинская,
д. Перовой.

Датируется по письму 1.

[1] Константин Петрович *Пятницкий* (1864—1938) — директор-распорядитель издательства «Знание», в то время находился на Капри.

[2] Вследствие болезни легких В. С. Миролюбов в начале августа 1911 г. уехал из России в Швейцарию, а затем во Францию, в район Приморских Альп («Sestri Levante»).

[3] О рассказе «Черный араб» Горький писал также П. Романову (см. письмо 1, прим. 1), А. В. Амфитеатрову (т. 29, № 501) и другим лицам.

3

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сольцы.⟩ 8 мая 1915 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Подошло такое положение, что хоть бросай литературу и поступай в плотники, а потому обращаюсь к вам с просьбой помочь мне издать

собрание сочинений [1]. Вы знаете, мне никогда не приходилось как следует и пописаться из-за ненавистной газетной работы. Но теперь обстоятельства складываются благоприятно: с «Русск⟨ими⟩ вед⟨омостями⟩» поссорился, с «Речью» разошелся, в «Биржовке» [2] не печатают, так что как раз удобное время покончить с такого типа работой совсем.

Нужно найти какого-нибудь издателя, который взялся бы издать в течение двух лет шесть томов моих сочинений, выдавая мне со дня заключения договора 200 руб. в месяц.

Я обязуюсь с этой осени представить три тома своих сочинений и к следующей три тома остальные.

Первые три тома: «Черный араб», «Колобок» и «В краю непуганых птиц» хорошо издать с некоторыми иллюстрациями в расчете отчасти и на то, что все эти книги могут читаться и юношеством.

«Черный араб» [3] будет вдвое больше (я восстановлю сгоревшее) [4], в этом же томе будут также однородные с «Арабом» «Славны бубны» [5], которые также будут восстановлены целиком (разбросаны по газетам). Этот том будет у меня вроде южного «Колобка».

Остальные три тома: 3) Рассказы и повести («Крутоярский зверь» и проч.), 4) «Невидимый град» [6], 5) «Слоновая долина» [7], будут за год приведены в такой же стройный и законченный вид, как первые три.

Если это собрание устроится, то я года два могу заниматься настоящей литературой и не шляться по Персиям [8].

Почти наверное могу в таком случае сказать, что к осени для вашего сборника доставлю рассказ «Дольник» [9]— настоящий рассказ. Я это к тому говорю, чтобы и вам не очень было скучно хлопотать за меня.

Недели через две хотелось бы мне от вас получить определенный ответ, потому что, если так не удастся устроиться,— я займусь приисканием средств для жизни трудом, не имеющим ничего общего с литературным. Можно бы, конечно, и наладить отношения с газетами, но я дошел до точки, когда самое незаметное, скромное существование предпочитаешь существованию газетному.

Вы хотели поговорить с Сытиным [10]; конечно, это бы самое лучшее, но если не сладится с ним, то не один же он.

Еще маленькая просьба: очень хвалят мне ваше «Детство», а я его не читал и не имею ни одной вашей книги с автографом,— пришлите, пожалуйста, ее мне в Песочки, прочту,— кстати, и сам давно уже понемногу пишу на эту же тему [11].

Сейчас еду недели на две к сестре в Орловскую губерн⟨ию⟩, надеюсь, что по возвращении получу от вас и книгу, и письмо.

Часто вспоминаю вас с Шаляпиным [12] — очень, очень радостно мне было с вами обоими встретиться, живите на страх врагам, плодитесь и множьтесь. До свидания.

М. Пришвин

Сольцы. Псковск⟨ой⟩ г⟨убернии⟩,
д⟨еревня⟩ Песочки,
М. М. Пришвину. Заказное.

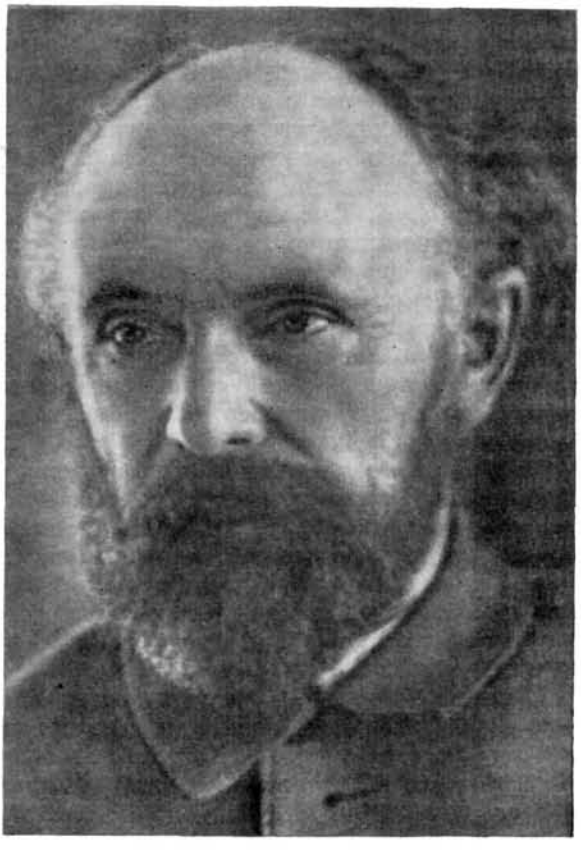
[1] Издание не состоялось.

[2] В газетах «Русские ведомости», «Речь», «Биржевые ведомости» Пришвин печатал свои очерки и рассказы, начиная с 1905 г.

Наиболее часто Пришвин печатался в газете «Русские ведомости». Здесь были напечатаны рассказы: «Манифест в деревне» (1905, № 312, от 26 ноября), «Господа умилились» (1906, № 243, от 4 октября), «Как я укреплял тещу Никифора» (1909, №№ 160 и 164, от 14 и 18 июля) и др.

[3] Цикл очерков «Черный араб» при переизданиях в двадцатых и тридцатых годах был дополнен Пришвиным очерками «Соленое озеро» и «Сопка Маира».

М. М. ПРИШВИН
Фотография, 1929 г.
Собрание В. Д. Пришвиной, Москва



[4] Имеется в виду пожар, в результате которого погибли также и письма Горького к Пришвину (см. об этом в очерке Пришвина «Мои читатели».—«Наши достижения», 1936, № 9).

[5] Очерки под таким названием были впоследствии напечатаны в журнале «Заветы», 1913, № 10.

[6] Очерки «У стен града невидимого». См. письмо 1, прим. 5.

[7] Произведение Пришвина под таким названием неизвестно.

[8] Возможно, Пришвин имел в виду свои поездки на фронт в качестве санитара и военного корреспондента.

[9] Рассказ не был написан. Он предназначался для сборника избранных произведений современной литературы, который собиралось выпустить издательство «Парус» (Пг.), основанное в 1915 г. при непосредственном участии Горького (издание неосуществленное).

[10] Иван Дмитриевич *Сытин* (1851—1934) — крупнейший издатель дореволюционной России. Горький был хорошо знаком с Сытиным и пытался осуществить при его помощи целый ряд издательских мероприятий.

[11] Возможно, имеется в виду роман «Кащеева цепь».

[12] О встрече нового, 1915 года у Горького, где присутствовал и Шаляпин, Пришвин рассказал в романе «Кащеева цепь» («звено» двенадцатое, гл. «Житие». См. Собр. соч., т. 1. М., Гослитиздат, 1956, стр. 535—538).

4

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сольцы.⟩ Песочки. 4 июня 1915 г.

Дорогой Алексей Максимович, наконец-то и от вас у меня есть книжки [1], очень вас благодарю. «Детство» — очень хорошая книга, но это все-таки половина того, что нужно: не хватает в ней самого мальчика

Пешкова. Посоветую вам, когда будете хорошо издавать свои книги, дайте каждой главе свое название. Моими любимыми тогда будут «Два бога» (бабушкин и дедушкин) и еще «Хорошее дело». В этих главах, мне так показалось, хотя и пишете о других, но ближе подходите к Пешкову. А ведь все наше искусство сводится к тому, чтобы чужое принять как свое, а свое дать как чужое. Но что бы там ни было, книга ваша хорошая, совестливая. А больше всего мне понравился из второй вашей книги рассказ «Ледоход». Там уж весь Горький высказался. Прочитав рассказ, я вспомнил один период своей петербургской жизни, переполненный необычайными впечатлениями от первой встречи со всей литературной средой [2]. Помню в Р⟨елигиозно⟩-ф⟨илософском⟩ о⟨бщест⟩ве [3] обсуждалось, как один из героев Горького поклонялся народушке [4], и чего-чего только не говорилось по поводу этого. Так вот «Ледоход» служит хорошим ответом на все эти толки. Как-нибудь при свидании я вам подробно расскажу о всем этом. А теперь извиняюсь за редкий свой опыт критики (умствования) и перехожу к личным делам.

В Питере я вас не нашел и, не получив от «Огней» [5] письма, сунуться туда не решился. Возвращаюсь домой, а там письмо от «Огней»: предлагают издать книгу рассказов. Я написал, что не рассказы хочу издавать, а сочинения. Заранее только знаю, что из «Огней» ничего не выйдет, Ляцкого [6] мы все знаем: наобещает кучу коробов и вильнет хвостиком, сие здание на песце зиждется, и решиться на годовую работу приведения в порядок своих сочинений я так не рискну. Ну, да ладно, как-нибудь перемелется.

Большое спасибо за предложение аванса, но взять не могу: в газетной работе это еще туда-сюда, но в художественной при авансе я писать не могу: вместе с взятым на себя долгом исчезает необходимая свобода. Вообще в своей литературной деятельности я ценю только неугасающую надежду на свободное бытие, не будь этого — никогда бы я не стал ею и заниматься: долгов перед обществом не чувствую, грехов имею очень мало, учить никого не хочу — зачем же хомут?

Прочитал в газетах, что в Финляндию к вам теперь не попасть. Если будете в Питере и вам случайно наклюнется что-нибудь определенное насчет издания моих сочинений — вызовите меня в Питер (Сольцы, Псковск⟨ой губернии⟩, Песочки), а в общем нарочно не беспокойтесь, ничего, обойдется.

До свидания.

М. Пришвин

[1] «Детство» и «По Руси».— Собр. соч., тт. XX и XIX. Пг., «Жизнь и знание», 1915.

[2] В 1908 г., после возвращения из поездки в Карелию и Норвегию, Пришвин был введен А. М. Ремизовым в круг петербургских писателей-символистов, где, в частности познакомился с А. Блоком.

[3] Религиозно-философское общество («Религиозно-философские собрания» в Петербурге) существовало с 1901 по 1915 г. (с перерывами). В собраниях общества принимали участие Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, Д. В. Философов, З. Н. Гиппиус и представители духовенства — епископ Сергий и др. Отчеты о собраниях общества публиковались в декадентском журнале «Новый путь» (1903—1904) и выходили отдельными выпусками.

[4] Имеется в виду заседание Религиозно-философского общества в 1908 г., на котором был прочитан доклад Германа Баронова «О демотеизме (обожествлении народа) в „Исповеди" Максима Горького».

С возражениями докладчику выступил А. Блок. Его доклад «Россия и интеллигенция» был опубликован в журнале «Золотое руно», 1909, № 1 (в дальнейшем перепечатывался с изменениями и под заглавием «Народ и интеллигенция»).

[5] «Огни» — книгоиздательство в Петербурге.

[6] Евгений Александрович *Ляцкий* (1868—1942) — литературовед и критик, руководил издательством «Огни» в 1914—1915 гг.

5

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Песочки. 22 июля 1915 г.

Дорогой Алексей Максимович,

обещанный вам к 1 августа рассказ [1] не вышел: он все рос, рос и, наконец, слился с материалами к роману [2], единственному, который я когда-нибудь напишу.

Все поджидаю от вас письма, — не удалось ли вам меня куда-нибудь устроить [3], наконец; все жданки вышли и, как ни бился, пришлось опять записать в «Речь» о войне [4] и проч.

А может быть вы еще наладите дело, время еще есть, чтобы приготовить к сезону три тома. В случае чего — вызовите меня (Сольцы, Псковск⟨ой губернии⟩, Песочки).

Всего доброго.
М. Пришвин

[1] См. письмо 3, прим. 9.
[2] Имеется в виду роман «Кащеева цепь».
[3] См. письмо 3, прим. 1.
[4] М. Пришвин. Отзвуки войны.— «Речь», 1915, № 194, от 17 июля. В статье рассказывается о том, как была воспринята весть о войне в глухой русской деревне.

6

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Москва. 3 ноября ⟨1923 г.⟩
Тверской бульвар, 25, Общежитие Союза писателей, М. М. Пришвину

Дорогой Алексей Максимович,

не знаю, какими словами выразить вам свое восхищение перед последними вашими произведениями в «Красной нови» и в «Беседе» [1], просто скажу, это теперь лучше всего и у вас лучше всего прежнего. Радуюсь.

Возьмите меня в «Беседу» [2], могу вам доставлять очерки народной жизни «От земли и городов» [3], повести свои и маленькие рассказы. Научите меня, где бы мог я напечатать за границей отдельной книжкой «Кащееву цепь» (часть первая 7 листов), а может быть, напечатанное в «Красной нови» можно и в журнале напечатать? [4] Едва ли «Красная новь» доходит к вам в большом числе? Вообще, если я вам нужен, то вы не поленитесь подробнее написать мне свои руководящие соображения. У нас опять литературный кризис, только-только вздохнули и можно стало писать большие вещи, как опять стало туго и приходится для заработка «халтурить». Поэтому приходится рассчитывать и на гонорар от «Беседы»: вы мне и про эту сторону напишите. Опять прошу, не поленитесь в своих же интересах и напишите, что вам представляется наиболее интересным в современной России. Я живу две недели в Москве и две недели в деревне, в самой гуще, и могу давать материалы самые свежие. Советую вам для обозрения текущей литературы, театра, библиографии пригласить Юрия Васильевича Соболева [5], который живет о бок со мной, так что писать ему можно в одном пакете со мной.

Я, правда, до того обрадовался написанному вами в «Беседе», что пишу вам как родному и жду теперь с нетерпением от вас письма, быть может, оно поддаст мне пару, и я сделаю для журнала что-нибудь настоящее. Жму крепко вам руку. Сегодня у нас первая пороша, завтра пойду зайцев тропить, будь вы здесь, поднес бы вам за «Беседу» русака, а как нет, съем сам и выпью за вас с мужиками самогонки.

Михаил Пришвин

[1] В 1923 г. в «Красной нови» (№№ 1—6) были напечатаны следующие произведения Горького: «Время Короленко», «О вреде философии», «Мои университеты», «Сторож», «О первой любви»; в «Беседе» за 1923 г. (№№ 1—3) печатались: «Отшельник», «Рассказ о безответной любви» и ряд «заметок», вошедших впоследствии в книгу «Заметки из дневника. Воспоминания» (Берлин, «Книга», 1923).

[2] О «Беседе» см. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 2. Произведения Пришвина в журнале «Беседа» не печатались.

[3] Очерки, о которых пишет Пришвин, печатались в «Красной нови»: «История цивилизации села Талдом» («Красная новь», 1923, № 6) и «Домашние боги» («Красная новь», 1923, № 7).

Очерки под общим названием «От земли и городов» составили т. IV Собр. соч. Пришвина. М.— Л., Госиздат, 1928.

[4] Речь идет о первых трех «звеньях» автобиографического романа «Кащеева цепь» («Голубые бобры», «Маленький Каин», «Второй Адам», напечатанных в 1923 г. в «Красной нови», №№ 3, 4, 5, 7).

В 1924 г. эти «звенья» вышли отдельным изданием под названием «Курымушка», с подзаголовком «Повесть», в изд-ве «Новая Москва». Книга была послана Горькому с надписью: «Юному сердцу Алексея Максимовича с родственным чувством Михаил Пришвин. 3.III.25. Москва (АГ).

[5] Юрий Васильевич *Соболев* (1887—1940) — театровед, критик, журналист. В «Беседе» не печатался.

7

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

15.I.24. Чехословакия. Marienbad, Otel «Maxhof».

Получили вы мое письмо [1], дорогой Михаил Михайлович?

Послал я его вам давно уже, ждал рукопись и оттиски «Кащеевой цепи», не дождался — пишу снова. И не того ради пишу, чтоб убедить вас принять немецкие, явно невыгодные для вас условия работы в «Беседе» [2], а чтоб перекинуться с вами парой-другою слов.

Ждем, что «Беседу» пустят в Россию, тогда издатель мог бы повысить гонорары в 3—4 раза, но — ждем, кажется, несбыточного.

Как вы живете? Как вообще живут люди и литераторы на Руси? Судя по вашим очеркам [3]— интересно, но — тяжко. Да?

Я вот перебрался из голодной Германии в сытую Чехословакию [4] и нахожу, что сытые живут скучнее голодных. Не делайте отсюда такой вывод, что будто мне хочется видеть голодным весь мир людской.

Духовного же голода здесь — как везде, где был, — не ощущаю. «Народы» продолжают возлагать свои надежды на «героев» и на чудеса, но поистине героически ведут себя люди науки, люди искусства, Дон-Кихоты и неутомимые будильники людей, усталых, засыпающих от усталости, от бесплодности попыток своих устроить жизнь лучше. Труднее всех живет интеллигенция, эта ломовая лошадь истории и в то же время арабский скакун ее. Чудес она не ждет, понимая, что ожидание чуда есть, в сущности, выражение скрытого неверия, что в этом ожидании теплится надежда восстановить каким-то необычным путем уже утраченную связь с чем-то.

Всюду — в Германии, Франции, Англии, и здесь, и у скандинавов,— интеллигенция становится все более активной, все лучше понимает свою роль. И — к чести нашей — в процессе этого перерождения западной интеллигенции, по ее же признанию, русская литература имеет весьма крупное значение. Переводят русские книги всюду и везде так, как еще никогда не переводили,— неизмеримо больше и даже внимательнее, чем это делалось раньше.

Не знаю, что интересует вас. Напишите — отвечу.

Если же, невзирая на низкий гонорар — два английских фунта за лист — вы дадите «Беседе» маленький очерк или рассказ — мы вам будем очень благодарны. Мы — я и Ходасевич [5].

Желаю вам всего доброго. Не знаете ли, где С⟨ергеев⟩-Ценский? Сообщите ему, что в «С⟨овременных⟩ з⟨аписках⟩» [6] будет напечатана восторженная рецензия Степуна [7] о «Преображении» [8].

Жму руку.
А. Пешков

[1] Письмо от 20 ноября 1923 г. (см. т. 29, № 780).
[2] См. предыдущее письмо.
[3] См. там же.
[4] Горький приехал в Чехословакию 27 ноября 1923 г.
[5] См. Горький — Ласковая, письмо 2, прим. 1.
[6] «Современные записки» — белоэмигрантский журнал, выходил в Париже с 1921 по 1940 г.
[7] Ф. А. Степун (р. 1884) — писатель, философ. В начале двадцатых годов эмигрировал за границу.
[8] С. Н. Сергеев-Ценский. Преображение, роман в 8 частях. Ч. 1. Валя. Симферополь, Крымиздат, 1923.

8

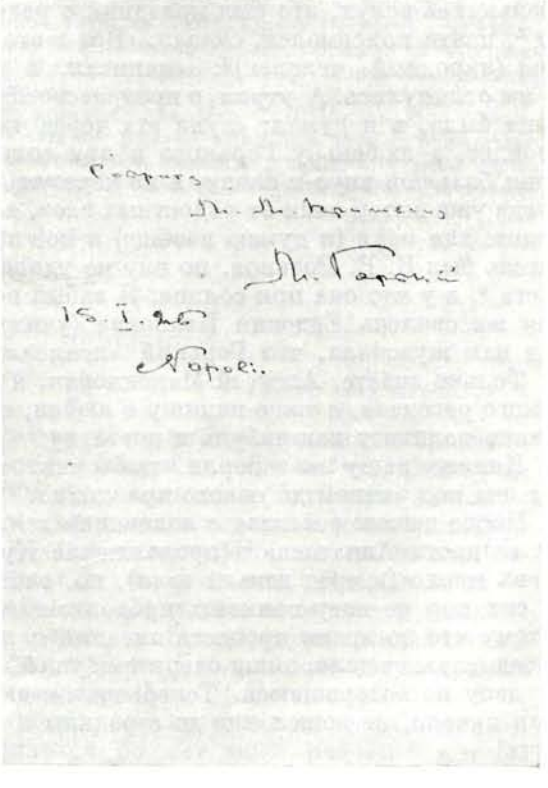
ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Неаполь.⟩ 16.I.26

Дорогой Михаил Михайлович,

вместе с этим письмом посылаю вам две мои книги[1] — заказным пакетом с обратной распиской. Запоздал потому, что, как известно: «сапожник ходит без сапог», книг у меня не было, пришлось выписывать их из Берлина.

С большущим нетерпением буду ждать продолжения «Курымушки»[2], что очень хорошо у вас вышло.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО М. М. ПРИШВИНУ НА КНИГЕ «МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ» (BERLIN, 1925):

«Собрату М. М. Пришвину М. Горький. 15.I.26. Napoli»

Собрание В. Д. Пришвиной, Москва

Ну вот — хотел писать много, а пришли русские из Аргентины, и надо торопиться отправить письмо, пакет на почту, я ведь живу за городом.

Напишу после, дня через два.

Крепко жму руку.
А. Пешков

Napoli. Posilippo.
Villa Galotti.

[1] В письме от 10 декабря 1925 г. (АГ) Пришвин просил Горького прислать книгу с рассказами «Отшельник» и «Рассказ о безответной любви». Горький выслал Пришвину книги: «Рассказы 1922—1924 гг.» (Берлин, «Книга», 1925) и «Мои университеты» (Берлин, «Книга», 1925). На «Моих университетах» Горьким сделана дарственная надпись: «Собрату М. М. Пришвину. М. Горький. 15.I.26, Napoli» (личный архив Пришвина).

[2] В том же письме от 1 декабря 1925 г. Пришвин писал: «Я сейчас работаю над продолжением „Кащеевой цепи", то был Курымушка гимназистом, теперь будет студентом — эпохи начала марксизма (золотая валюта, винная монополия и т. д.). Мне представляется, что если я напишу это, то вся современность так и раскроется, но это, вы знаете, всегда что-то представляется, а выходит то, что надо. Трудная работа, упрямая, но, судя по первым трем главам, все-таки дело свое поверну» (АГ). Продолжение романа «Кащеева цепь» — «Юность Алпатова», «Любовь», «Зеленая дверь», «Юный Фауст», «Брачный полет», «Положение», «Живая ночь» — печаталось в «Новом мире» (1926, №№ 2, 3, 4, 5; 1927, №№ 1, 11, 12; 1928, №№ 4, 5, 6, 7).

9

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Переславль-Залесский Влад⟨имирской⟩ губ.
Усадьба Ботик, М. М. Пришвину
31.I.26.

Пришли ваши книги [1], дорогой Алексей Максимович, читали «Отшельника» вслух, это был праздник с радостными слезами. Сын мой Лева [2], почти комсомолец, сказал: «Вот в этого бога и я верю!», а Павловна моя (народный человек)[3]: «написал, и нам есть на что оглянуться». И мы оглянулись. А утром, в предрассветный час, когда я встаю, на небе луна была, и я думал: «луна эта через час исчезнет, потому что солнце взойдет, а любовь у Горького и при солнце не пропадает». Конечно, у меня большой вкус к слову, я не через идеи понимаю, и говорю об идеях, когда уже вытер очки от радостных слез, но вот что еще мне в голову приходит: для меня (и думаю вообще) в мое время самый замечательный писатель был В. В. Розанов, но ему не удалось вывести любовь из лунного света [4], а у вас она при солнце. Я забыл вот еще что,— Лева сказал: какая же сволочь Евдокия Ивановна (учительница словесности), она весь год нам жужжала, что Горький «исписался».

Только знаете, Алексей Максимович, я тоже когда-нибудь доживу до такого рассказа, я тоже напишу о любви, если у меня жизни не хватит, я жизнь надплету как-нибудь и достигну.

Книжку вашу мы заперли, чтобы никто не мог отдельно прочесть, и будет она под замком до нового праздника.

После вашего рассказа с волнением взялся перечитать последнюю главу «Юности Алпатова» [5] (продолжение Курымушки),— не покажется ли очень плохо (вперед деньги взял), но, слава богу, противно не стало. Я до сих пор не могу написать продолжение Курымушки («Кащеева цепь»), потому что во время процесса писания является нужда в деньгах, откладываю главное дело, пишу очерк тек⟨ущей⟩ жизни, а после того к основному делу не возвращаюсь. Теперь же мне дали денег в «Новом мире», и я, сдав начало, не дошел еще до середины и плыву неизвестно куда, просто жуть!

Мне теперь часто в голову приходит, что люди несчастны, главным образом, потому, что им приходится разделять себя на-двое, одно делают для заработка (служба), другое для себя (игра). Вероятно, соединить одно с другим очень трудно, и, когда случается, то выходит всем на удивление, и люди эти (пять, шесть...) называются художниками. Вы как-то писали мне, что жить надо *проще*. Это, по-моему, значит жить в одно, а не в два-три дела, в этом и есть секрет труднейшего достижения, называемого «простотой», а не в том, чтобы, как учит Толстой, землю пахать. Чувствую, что, раз вы написали этот рассказ, ваша жизнь в Неаполе проще, чем толстовская пахота, и почти так же проста, как и у вашего старца в его пещере. Особенно мне понравилось, что старец себе куклу купил. Как у вас там произошло, не знаю, но точь-в-точь такой человек живет под кряжем на Шельне. Я тоже у него жил, как и вы, и мы, оба голые, искупавшись, часто сиживали на берегу и беседовали и о боге, и о бабах, и уху варили, и выпивали. А написать вот не мог, не дожил, да это и не беда, главное, что радость, восторг остались в душе, и я узнал его в вашем рассказе. ⟨...⟩

Всей душой ваш
Михаил Пришвин

Если бы вздумалось послать в «Беседу» рассказ [6], то как это надо, почтой, вам?

[1] См. письмо 8, прим. 1.
[2] Лев Михайлович *Пришвин-Алпатов* (1906—1957) — старший сын Пришвина
[3] Ефросинья Павловна *Пришвина* (1883—1953) — жена Пришвина. Родилась в крестьянской семье. Как вспоминает Петр Михайлович Пришвин (младший сын писателя), «мать сопровождала отца при всех его путешествиях ⟨...⟩ была для отца живым толковым словарем народных пословиц, поговорок, примет, обрядов, сказок, песен, названий птиц, зверей, деревьев, растений и насекомых» (письмо в Архив А. М. Горького от 18 августа 1959 г.).
[4] Василий Васильевич *Розанов* (1856—1919) — реакционный писатель, философ, критик, сотрудничал в «Новом времени». Как писатель Розанов обращал на себя внимание оригинальностью своего стиля. Пришвин имеет в виду попытки Розанова противопоставить христианскому аскетизму религию «святой плоти» (см. В. Розанов. Люди лунного света. Метафизика христианства. Изд. 2. СПб., 1913).
[5] «Юность Алпатова» — четвертое «звено» романа «Кащеева цепь», напечатано в «Новом мире», 1926, №№ 2, 3, 4, 5. В отдельном издании романа «Кащеева цепь» (М.—Л., Госиздат, 1927) «звено» четвертое — «Юность Алпатова» — получило название «Бой».
[6] См. письмо 6, прим. 2.

10

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

11—II—26. Napoli.

Я очень взволнован вашим письмом, Михаил Михайлович, я прочитал его с великой радостью. Вы поймете ее, если я скажу вам, что, давно считая вас оригинальнейшим русским художником и глубоким знатоком духа языка нашего, я давно хотел знать ваше мнение о моих книгах и ясно понимал, что похвалить их вы — не можете. Я очень люблю ваш талант, необычная ваша жизнь внушает уважение к вам. Вы для меня — большой и настоящий русский человек, образцово и отлично русский. Теперь вам должно быть понятно, почему я так обрадован вашей похвалою «Отшельнику». Мне кажется, что в книге [1] только еще два недурных рассказа «О любви» и «О необыкновенном» [2].

М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, вам это покажется смешным или даже фальшивым, но вот в этом или в 27 году исполнится 35 лет моей работы [3], а я все

еще не знаю, как надо писать, и — учусь. Посылаю вам еще книгу [4], написанную уже после «Рассказов»,— пожалуйста, прочитайте! Когда я писал ее — она мне нравилась, а напечатал и — не мог прочитать.

Пожмите от моего имени лапу вашего Льва, — хорошо он сказал о боге. Вот они, такие, пожалуй, действительно «возжгут души своя» на удивление мира и в добрую помощь ему. Но — жить им будет труднее, чем жилось нам. Уж это — так.

Павловна — жена ваша? Передайте ей привет мой за доброе слово.

Всего доброго, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩! И еще раз — спасибо.

А. Пешков

Napoli Posilippo.

[1] См. письмо 8, прим. 1.

[2] Имеются в виду «Рассказ о безответной любви» и «Рассказ о необыкновенном».

[3] 35-летие творческой работы Горького (1892—1927) отмечалось в сентябре — октябре 1927 г.

[4] «Дело Артамоновых». Берлин, «Книга», 1925. Роман был послан Пришвину с дарственной надписью: «М. М. Пришвину с сердечной благодарностью. М. Горький. 10.II.26. Napoli» (личный архив Пришвина).

11

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Переславль-Залесский.⟩ 10 апреля 1926 г.

Так, Алексей Максимович, сбил меня с толку «Род Артамоновых», из-за этого и не писал вам долго ответ на ваше такое хорошее письмо. Хорошо начало, свадьба — прекрасно! и до середины отлично нарастает волнение — ярмарка превосходна! Потом как будто вам надоело, все пошло прыжками и кончаешь неудовлетворенный. Досадно, что вы не доносили это свое дитя, по началу обещавшее быть чем-то вроде «Соков земли» [1]. Я думаю, что вы по своей широте задумали во время писания этого романа какой-нибудь другой, самый большой, и это стало вам неинтересно. Изумительно ваше богатство этими «соками», ваша гравировка диалогами народной мудрости, в этом никто из предшествующих писателей не может с вами сравниться. Но этот глубокий колодец, из которого вы черпаете свои соки, обязывает вас оставаться всегда при своем роднике. Даже прежний рассказ «О любви», имевший у нас большой успех,— все-таки думаешь о нем: это могли бы написать и французы [2]. А довольно неуклюжий «Рассказ о необыкновенном» опять ваш собственный, и та серая фигура хромого человека — когда еще я читал! а все еще ходит за мной [3]. О книге «Мои университеты» писать вам мне не приходится, вы, конечно, знаете сами, что она большое событие в русской культуре, по ней будет учиться наша молодежь. Меня очень увлек рассказ «Голубая жизнь», один момент я стал трепетать за вас, и вдруг все перешло в медицину — конечно, я выругался. Но замечательная там наметилась фигура *Столяра*, вроде как бы чёрта, особенного, вашего, естественного чёрта. Да, у вас, конечно, есть свой чёрт, как и у Ремизова, только у того мистически-условный, а у вас естественный и очень уж читаемый чёрт. Но я так много думал об этом, что рассказать могу только постепенно в других письмах. Говорят о какой-то еще вашей книжке с самыми мелкими рассказами [4], когда она случится у вас под рукой, вы мне ее пришлите,— я тоже ее очень хотел бы прочитать.

А я нисколько не удивился, когда вы написали о себе, что скоро 35-лет⟨ний⟩ юбилей, а вы учитесь писать и не очень верите в написанное: это говорят в вас самые густые капли, которые остаются на дне вашего бокала. Я только этими каплями и живу, а что в прошлом, то все мне

кажется жидкостью. Иногда я даже думаю о себе, что меня просто приятели по дружбе выдумали, а реальности, вроде как, например, у мужика корова, и нет никакой. Вероятно, я из-за этого и занимаюсь краеведением и охотой, заполняю пустоту. А в том кружке [5], на который вы намекаете и к которому я принадлежал (однако не больше как в смысле равнения по высшему), о вас говорили всегда с уважением и, помню, даже слова Блока «а художник в Горьком еще и не начинался» — то и эти слова означали скорее хвалу, открывая какие-то возможности для вас в будущем, какие обыкновенные художники не имели.

Просидев целый год в пустыне, на 3 дня ездил в Москву [6]. Внешнее литер⟨атурное⟩ оживление, но лит⟨ературной⟩ общественности, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ культурной среды, еще нет. Думаю, вот бы вам приехать, большое бы дело могли сделать, по вас бы много людей сошлось, но... едва ли бы вам дали работать как художнику. От Воронского я перешел в «Новый мир» к Полонскому [7], не знаю этого человека, но относится ко мне хорошо, и журнал его «Новый мир» как-то веселей «Красной нови». Благодаря поддержке Полонского, написал новое звено «Кащеевой цепи» «Юность Алпатова». В мае все напечатается, пришлю оттиски. Теперь, надеясь на Полонского, начал писать новое звено (т⟨о⟩ е⟨сть⟩ повесть) «Любовь Алпатова». Разные мелкие свои книжечки, вроде как детские рассказы и «Башмаки» [8], не посылаю вам, потому что противно, небрежно издают у нас, с такими ошибками, и, право, гораздо легче в Госуд⟨арственном⟩ издательстве денег добиться, чем корректуры, другой раз о стену начинаешь головой биться от злости на небрежность, посмотрите, даже у Воронского в «Красной нови» какая масса ошибок, чуть не на каждой странице, получат рукопись и наплевать на автора. К слову: у вас в «Роде Артамоновых» с корректурой тоже неблагополучно почему-то вышло, а в других книгах хорошо. Вся моя публика, конечно, в восторге, что вы ее вспомнили.

Будьте же здоровы, дорогой человек!

Ваш Михаил Пришвин

В АГ хранится вариант этого письма Пришвина Горькому от 1 апреля 1926 г. Видимо, по ошибке Пришвин послал Горькому оба письма. Они были получены и прочитаны Горьким, о чем свидетельствуют его пометы.

[1] Имеется в виду роман К. Гамсуна «Соки земли».

[2] Слова: «это могли бы написать и французы», Горький подчеркнул красным карандашом и в письме к Федину от 23 апреля 1926 г. так отозвался на замечание Пришвина: «Он ⟨Пришвин.— *Ред.*⟩ по поводу „Безответной любви“ пишет мне: „Это и французы написали бы“. Чувствуете высоту тона? Знай наших! А для меня его „и французы“ — лучший комплимент, какой я когда-либо слышал» (т. 29, № 821).

[3] В упомянутом выше варианте письма от 1 апреля 1926 г. Пришвин говорит по поводу «Рассказа о необыкновенном»: «...но при всей значительности „Рассказ о необыкновенном“ мешковат, перегроможденный, не прозрачный и стройный, как „Отшельник“» (АГ).

[4] «Заметки из дневника. Воспоминания».— Собр. соч., т. XVII. Л., Госиздат, 1926. Эта книга была послана Горьким Пришвину еще раньше с дарственной надписью: «Дорогому Михайлу Михайловичу Пришвину. А. Пешков. Napoli. 20—III—26».

[5] Очевидно, подразумевается кружок писателей-символистов. См. письмо 4, прим. 2.

[6] В том же письме от 1 апреля 1926 г. Пришвин делился своими впечатлениями от посещения Москвы: «По всему заметно сильно возросло в Москве значение нас всех, „стариков“, но я замечаю то же самое и в других сферах и особенно в деревенском хозяйстве. Я, однако, надеюсь, что после некоторой заминки молодежь начнет проявлять свои новые таланты. Заминка в литературе оттого, что формируются новые огромные читательские массы: все силы идут в количество. Недавно читал о себе: „с каждой новой вещью молодой талантливый писатель М. Пришвин делает все новые и новые успехи“. Читай: „Пришвин все такой же, а читатели делают успехи“» (АГ).

[7] О Воронском см. Горький — Гладков, письмо 7, прим. 7.

О Полонском см. Горький — Гладков, письмо 15, прим. 2.

[8] Михаил Пришвин. Башмаки. Исследование журналиста. М.—Л., Госиздат, 1925.

12

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

г. Сергиев Моск⟨овской⟩ губ.
Комсомольская, 75. ⟨10 сентября 1926 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

читая вашу книгу «Воспоминания»[1], я писал вам, и это писание разрослось почти в книгу: потому и не послал.

Только что вышла моя новая книжечка «Родники»[2], и я рад этому малому, чтобы ответить на ваше добро. В глуши, в одиночестве многое из вами написанного крепко в меня залегло, без помехи вошло и живет. Мне хотелось бы, чтобы «Родники» заменили вам письмо от близкого человека с родины, которую вы бесконечно любите и за то, подчас, и ругаете здорово.

Конечно, это не работа, а работка, но я все надеюсь, что мне скоро удастся сделать нечто большее[3].

Не хворайте, Алексей Максимович, я один из любящих вас и жизнь, больше всего желаю вам здоровья.

Михаил Пришвин

10/IX -- 26.

Буду жить теперь постоянно в Сергиеве[4].

[1] См. письмо 11, прим. 4.

[2] «Родники Берендея». М.— Л., Госиздат, 1926.

Пришвин послал Горькому эту книгу с дарственной надписью: «Максиму Горькому с глубоким уважением и братской любовью. Михаил Пришвин. 8/IX.26 г. Сергиев» (ЛБГ).

[3] В ответном письме от 22 сентября 1926 г. Горький писал: «Я думаю, что такого природолюба, такого проницательного знатока природы и чистейшего поэта ее, как вы, М. М., в нашей литературе — не было. Догадывался я об этом еще во времена „Черного араба“, „Колобка“, „Края непуганых птиц“, окончательно убедился, читая совершенно изумительные „Родники“» (т. 29, с. 476).

[4] В г. Сергиеве (с 1930 г.— Загорске) Пришвин жил в 1926—1937 гг.

13

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

3/X 26. Сергиев, Комсомольская, 75.
Моск⟨овской⟩ губ.

Ваше письмо[1], Алексей Максимович, о «Родниках» все равно, как и мое об «Отшельнике»[2], говорит, если не о близости верований, то во всяком случае о близости переживаний и духовных опор. Разве у вас-то мало этого, что вы называете «гео-оптимизмом»?[3] Я бы предложил только другое название. Вы знаете, есть прекрасное латинское слово вашей второй родины Италии vita, наверно слышали, что есть еще и виталин, жизненное вещество, которое находится на свежих фруктах в саду и разлагается, как только эти фрукты выносят из сада, так что во фруктах продажных в городах уже нет виталина. Почему бы нам с вами и другим близким нам не назваться виталистами. Сознаю, что в витал*изме*[4] (как во всяком *изме*) уже нет виталина, но если название необходимо, если у нас не одно только название, а есть и сама vita, то чего бояться?

Вчера были у меня Яковлев и Григорьев[5]. Мы все трое не читали друг друга, но почему-то отлично знали удельный вес каждого как писателя. Вот у вас этого нет: вы всех читаете и любите малое в частностях, восторгаясь, выходя из себя,— вы любите литературу в миллион раз больше, чем себя. Этого духа нет в Москве. Если бы не было вас и нескольких чудаков «виталистов», да вот еще русских мужиков, да... впрочем, самого

ГРИГОРИЙ И АЛЕША

Рисунок (карандаш) Б. А. Дехтерева к повести Горького «Детство», 1935 г.

Музей Горького, Москва

виталина, не стоило бы марать бумагу. Вот почему я написал Воронскому благодарственное письмо, когда он назвал вас «первым писателем» [6] (вам приходится потерпеть эту марку на себе из-за нас).

Я написал это предисловие вот зачем. Я хочу издавать собрание своих сочинений. Хотелось бы, чтобы вы написали вступительную статью [7]. Эта статья в интересах издательства и вместе с тем в моих карманных интересах. Но, если бы я не имел доказательств вашей любви к себе, если бы не было «Детства», «Отшельника», Автоб⟨иографических⟩ рассказов, я бы никогда не обратился к вам с просьбой. Вот зачем я написал предисловие. Ваша статья не будет «предисловием» (во избежание неловкости: один писатель рекомендует другого). Предисловие напишет маленький человек Замошкин [8], а ваша вступительная статья будет сигналом к собирателям виталина. Вы знаете, что сейчас торжествует «международный писатель» (Эренбург, Пильняк и друг.), все они талантливые, быстрые, умные люди, но они принципиально борются с виталином. Напишите ж не для меня, а через мою голову, как собиратель человека на русской земле. Я не скрываю, мне это на пользу в том смысле, как Розанов писал вам («творожку, творожку, Максимушка»[9]). Вас это не затруднит, вы всё мое прекрасно знаете, у вас это отнимет времени немного больше, чем письмо ко мне. Я посоветовался с членом правления издат⟨ельства⟩ «Никитинск⟨ие⟩ субботники» Яковлевым, он очень одобряет и неловкости никакой не находит. Если не вы, то должен писать Воронский («собрание» рассчитано на библиотеки, и потому кто-то должен писать). Его имя тоже помогает продвижению, но по-другому, и это другое мне чуждо, как-то неловко. Но мне положительно будет приятно (без творожку), если будет напечатано: «Сочинения Михаила Пришвина с предисловием Замошкина и вступительной статьей Максима Горького». Для опыта я выпущу в эту зиму только два тома, может быть три. Жду вашего отказа или статьи и, как только от вас будет получен ответ, приступлю к изданию.

После вашего письма я перечитал «Родники», и они мне понравились больше. Дал Григорьеву прочесть. Очень хвалит. Через месяц в Госиздате выйдет «Юность Алпатова» вместе с «Курымушкой»; как звено 4-е «Кащеевой цепи». Эта «Юность» меня раздражает: она «рациональна», скучновата, необходима, однако, перед звеном «Любовь» [10]. Я должен создать в этом лучшую вещь, и вот выйдет роман с окончанием на худшем. Но я не могу не печатать: необходимо было купить себе жилище, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ иначе с собаками (четыре) меня никуда не пускали. А «Любовь» эту хочу написать так, чтобы избежать в ней ошибок моей действительной любви: я не понимал в юности, что женщине, которую любишь, надо *служить*.

Но, боже, как я усложняю свое писание, как далеко все от современности, как трудно об этом говорить, не написав, и какое это чудо выходит, когда напишешь против всего и обретешь друзей, вроде как вышло с «Родниками». Жена моя, прочитав вашу трудную жизнь, всегда говорит как о родном человеке. Сын Лев поступил в университет на этнографический факультет, Петька [11] пойдет на Высшие охотничьи курсы.

Ну вот, пока всё. Не хворайте.

Ваш М. Пришвин

Алекс⟨ей⟩ Макс⟨имович⟩, а как здóрово можно написать вам о виталинето, соберите свою веру в моем и ахните манифест виталиста, самого главного нашего виталиста Горького. К случаю выйдет. Люди наши жаждут виталина.

[1] Письмо Горького от 22 сентября 1926 г. (т. 29, № 834).

[2] См. письмо 9.

[3] В письме от 22 сентября 1926 г. Горький писал Пришвину: «Когда-нибудь некий философствующий критик будет писать о вашем „пантеизме“ или „панпсихизме“ или „гилозоизме“ и замажет человеческое лицо ваше патокой похвал или горчицей поучений. А для меня вот вы теперь, *в этот день* утверждаете совершенно оправданный, крепко вами обоснованный геооптимизм, тот самый, который — рано или поздно — человечество должно будет принять как свою религию» (т. 29, с. 477).

[4] На полях письма рукою Горького сделана приписка: «Правильнее: виталинизм».

[5] Писатели А. С. Яковлев и С. Т. Григорьев.

[6] А. Воронский. О Горьком.— «Красная новь», 1926, № 4. Статья посвящена выходу в свет тт. XVI, XVII, XVIII и XIX Собр. соч. Горького (М., Госиздат, 1924—1926).

[7] Горький выполнил просьбу Пришвина. Его статья («О М. М. Пришвине»), написанная в виде письма к Пришвину, была первоначально напечатана в «Красной нови», 1926, № 12, а затем перепечатана с небольшими изменениями в Собр. соч. Пришвина, т. I. «Охота за счастьем». М.— Л., Госиздат, 1927.

Публикация в «Красной нови» сопровождалась следующим примечанием Пришвина:

«Алексей Максимович написал это для собрания моих сочинений, которое скоро я думаю выпустить в свет. Письмо Горького вышло из целого ряда писем, которые писал он мне по поводу моих книг. Известно, что Горький не мне одному пишет письма о книгах, он самый внимательный читатель и пишет их не по-дурному, а по-хорошему, так что всегда от них остается: не по милу хорош, а по хорошему мил.

„Статья“ эта так искусно написана, что восторженно-преувеличенное отношение автора к моим писаниям как-то совсем не стесняет, вероятно потому, что преувеличение идет в сторону правды, где нет ни больших ни маленьких писателей, а только поток общечеловеческих творческих сил.

Михаил Пришвин»

[8] Николай Иванович *Замошкин* (1896—1960) — литературовед и критик. Статья Замошкина «Писатель Берендей» была помещена в т. I Собр. соч. Пришвина (М., Госиздат, 1927).

[9] Пришвин ошибся. Фраза: «творожка хочется...» содержится в письме З. В. Розанова к Д. С. Мережковскому (декабрь 1918 г.), опубликованном вместе с письмом Розанова к Горькому от 20 января 1919 г. в «Вестнике литературы», 1919, № 8: «Целую, обнимаю вместе с Россией, несчастной и горькой. Творожка хочется, пирожка хочется ⟨...⟩ Вот мера вещей. Господи, неужели мы никогда не разговеемся больше душистой русской пасхой ⟨...⟩ Сливаться — так сливаться в бытии, сразу маслянисто и легко» (стр. 13—14).

[10] «Любовь» — пятое «звено» романа «Кащеева цепь». «Новый мир», 1927, №№ 1, 11, 12. В Собр. соч. Пришвина 1927—1930 гг. (М., Госиздат) это «звено» было названо «Государственный преступник».

[11] Петр Михайлович *Пришвин* (р. 1909) в 1929 г. окончил Высшие охотничьи курсы. В настоящее время работает заведующим Заболотским охотничьим хозяйством. «Выполнил мечту и наказ отца — соединить охотничью страсть с охраной и разведением животных на воле» (из письма П. М. Пришвина в Архив А. М. Горького от 18 августа 1959 г.).

14

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 17 октября 1926 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович — статейке[1] я придал форму письма к вам, другой формы не нашел. Мне это писание о вас — не нравится, уверен, что не понравится оно и вам. Но все же посылаю «на предмет прочтения и критики». Писать было трудно, хвораю, правая рука болит, кашель одолел, и голова в тумане от нелепо-танцующей температуры.

По поводу «витализма» я хотел писать вам, что термин этот давно принят биологами, но вы сами вспомнили сие [2]. Но некоторые пишут не «виталин», а «витамин». Кажется, не совсем верно, что витамин *всегда* находится на коже фруктов, апельсины содержат его в соке своем. Так же и некоторые сорта абрикосов, как утверждает один американец-плодовод [3].

В «Башмаках» [4] — стр. 68, 8—9 стр⟨оки⟩ снизу — говорится о том, что «женщина дает тон художественной промышленности». Вне всякого сомнения — так. Но я думаю, что «экономистам» невыгодно подчеркивать сей факт. А вот был у нас весьма оригинальный мыслитель Н. Ф. Федоров [5], так он доказывал, что не токмо *вся* промышленность, но и вся цивилизация — дело женщины. «Женщина и провоцируемая ею половая сила» создает этот строй «изнеживающий и развращающий, ведущий к вырождению и вымиранию». Господство женщины Фед⟨оров⟩ называл «не тяжелым, но губительным», а мир социальный рассекал не на богатых—бедных, а на ученых — неученых. «Это разделение,— говорит он,— составляет самое великое бедствие, несравненно большее, чем распадение людей на богатых и бедных». Интереснейший старик. Мне у него ценна и близка проповедь «активного» отношения к жизни [6].

Читали вы роман Клычкова «Чертухинский балакирь»? Вот — неожиданная книга! Это — 1926 г. в коммунистическом и материалистическом государстве! А того неожиданнее — предисловие Лелевича [7].

Да — «Крепок татарин — не изломится!
А и жиловат, собака,— не изорвется!»

Это я цитирую Илью Муромца в качестве комплимента упрямому россиянину.

Будьте здоровы.
А. Пешков

17.X.26.

[1] См. письмо 13, прим. 7.

[2] 6 октября 1926 г. Пришвин писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович, вдогонку к письму от третьего дня посылаю это, потому что в тот час, когда я писал вам, помрачен был у меня разум. Я вас просил о витализме написать, совсем упустив из виду, что „витализм“ уже существует у биологов, как нечто совсем другое, что сам же об этом когда-то слушал в Берлине лекции» (АГ).

[3] Горький имеет в виду Лютера Бербанка (1849—1926). О Бербанке как о плодоводе-«чудотворце» Горький писал в статье «Музыка толстых».

[4] См. письмо 11, прим. 8.

[5] Николай Федорович *Федоров* (1828—1903) — философ-мистик. Значительная часть написанного Федоровым была опубликована после его смерти Н. П. Петерсоном и В. А. Кожевниковым под заглавием «Философия общего дела. Статьи, мысли и письма Н. Ф. Федорова» (т. I. Верный, 1906; т. II, Москва, 1913).

Взгляд Федорова на роль и значение женщины в буржуазном обществе Горький изложил в статье «О женщине» (см. т. 25, с. 161—162).

[6] Реакционная в целом философия Федорова вместе с тем привлекала внимание Горького отдельными своими положениями, в частности признанием громадной роли науки в преобразовании стихийных сил природы. В статье «Еще о механических гражданах» (1928) Горький писал: «Среди множества его ⟨Федорова⟩ оригинальных домыслов и афоризмов есть такой: „Свобода без власти над природой — то же, что освобождение крестьян без земли". Это, на мой взгляд, неоспоримо» (т. 24, с. 454).

[7] В пронизанном фантастико-мистическими мотивами романе «Чертухинский балакирь» (М.—Л., Госиздат, 1926) С. Клычков противопоставил новым социалистическим преобразованиям устои патриархальной крестьянской жизни. Горького поразило, что предисловие к этой книге, в целом одобряющее ее, было написано одним из наиболее воинствующих «напостовцев» Г. Лелевичем. В личной библиотеке Горького хранится экземпляр романа «Чертухинский балакирь» с пометами на полях статьи Г. Лелевича.

15

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сергиев. Конец октября 1926 г.⟩

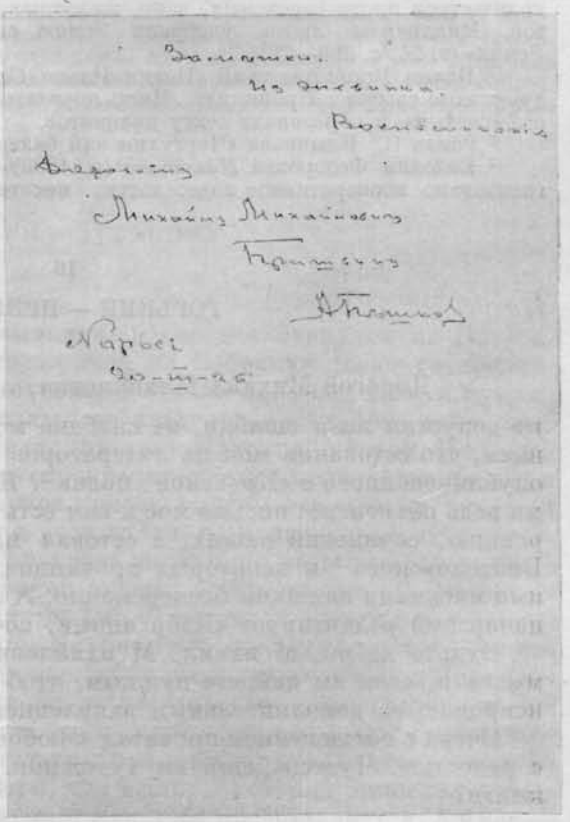
Дорогой Алексей Максимович, ну, какой я писатель, если не оставляю себе копий своих писем! Послал вам письмо о статье, в котором, помнилось, сослался на розановское письмо («творожку, творожку бы, Максимушка») [1], и вот все думал и боялся, как бы из-за этого не вышло какой осечки. Иногда это у меня в переписке бывает, напишешь в скорости, не обдумав, а там недопоймут, и так бог знает что получается. Вот, к примеру, о женщине я написал, что ей надо *служить*, и смутил вас так, что вы Федорова припомнили. Я Федоровым сам увлекался когда-то, но потом охладел, и это охлаждение как раз совпало с одним обстоятельством, которое узнал я от кого-то о Федорове, что он был истинный бытовой аскет, вши у него были в большом количестве, и спал он на досках, а между тем служил в Румянцевском музее [2]. В «Отшельнике» вошь очень к месту (я сам на охоте постоянно вшивею), а в Музее... так та́к мне противно стало (хотя вшивый холостяк приятнее очень чистого), и с тех пор я смотрю на Федорова только краешком глаза (переживаю в себе идею «воскрешения отцов») [3]. Я знаю мысль его и о женщине и до сих пор ею волнуюсь. Я подсунул ее (бессознательно) в «Башмаках», но не считаю, что она опасна в умах наших «экономистов», наши экономисты сами подчинены «экономической необходимости», и чему быть, то будет несмотря ни на что. Я же написал вам «*служить*» вот в каком смысле. Я по природе своей однолюб и, как водится, женщину эту свою единственную упустил и взамен этого стал заниматься легендой. Но когда я почуял впервые шевелящуюся в себе силу в искусстве писать, то это было очень похоже на любовь, и я сказал себе: «ну, теперь, это уж не упусти». Вот я это и выдумал себе тогда, что надо ей (литературе и жизни) *служить*. А когда вам второпях написал, то вышло, что надо бабе служить. Чёрта с два, дамся я бабе!

Ну, вот продолжаю о «творожке». Жена моя, человек здравого народного смысла, успокаивала меня и говорила напротив, что о «творожке» я очень хорошо помянул. Третьего дня лег отдыхать среди дня (встаю всегда в 4 утра), жена будит меня словами: «письмо от Горького и, кажется, с творожком».

Вчера вечером Григорьев зашел, читали вслух. Григорьев сказал, что это не только хорошо и значительно, а и ново для вашего творчества, в этом роде у вас не было. Написано, как декларация. Заметьте это между прочим, оба мы согласились, что едва ли вы к нам теперь поедете. А это вышло из того, что такие декларации создаются уже в горах и текущее таких людей не удовлетворяет (пережито). В одном месте Григорьев прицепился, считает, что «Вернадский» утяжеляет наукостью [4], но я не согла-

сен, совершенно не согласен; Вернадский нужен для гумуса непременно. Да, это «творожок» настоящий. Вот это приятно иногда сходится, когда там, в небесном, согласен и любишь, а на земле во всей своей наивности под этим местом лежит творожок. Григорьев хорошо сказал еще, что Горькому Пришвин оказался поводом высказаться, так что это не предисловие, а творчество и о Пришвине, но никак не за счет Пришвина. Вот это прекрасно! И мне понравился намек на линию «по хорошему», т⟨о⟩ е⟨сть⟩ что Пришвин может быть и не велик, да дело-то его велико. Это меня спасает от неприятного чувства, когда хвалят за что-то, сами не зная за что, какого-то Иоанна Кронштадтского [5] делают. А как я согласен с вами, и как это я сам никогда не мог осознать в себе разницу свою с обыкновенными пейзажистами в литературе. Меня тоже всегда *стыдил* пейзаж в романах. (А почему-то у Гамсуна все хорошо о природе.) Меня отбросила жизнь в природу, я спасался в ней, п⟨отому⟩ что не хотел вступать в мещанский брак с электричеством. Но я никогда, нигде не кидался со злобой на цивилизацию и считаю это вульгарностью не меньшей, чем простой мещанский брак с электричеством. Вот почему, зная лично Клычкова, я никак не могу приняться за чтение его романа «Балакирь» [6]. Знаю вперед, что непременно талантливо, но вихрасто, неврастенично. Тему эту я знал, она внутри меня, она не использована в русс⟨кой⟩ литературе, и появление такой книги есть новое доказательство, что гений наш человеческий не может быть уничтожен, а если он бывает подавлен, то выпрет свое, не считаясь с эпохой.

Хотел издавать «Собрание» у Никитиной [7] — не советуют. В Госиздате очистится для меня место только месяца через $1^1/_2$, написал в «Прибой». Сейчас получил приглашение от Ленгиза. Выговорю вам гонорар, как Горькому. Очень возможно, что вы теперь и нуждаетесь, напечатать



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО М. М. ПРИШВИНУ НА XVII ТОМЕ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ (ГИЗ, 1926):

«Заметки. Из дневника. Воспоминания Дорогому Михайлу Михайловичу Пришвину А. Пешков. Napoli, 20—III—26»

Собрание В. Д. Пришвиной, Москва

можно и до собрания,— еще, значит, гонорар. Я пишу так свободно о «напечатать», не говоря о вашем согласии, ⟨потому⟩ что ваши даже просто письма частные печатают: так повелось.

Я посоветуюсь, когда буду в Москве. Полонский уговорил меня бросить все мелочи и засесть за «Любовь Алпатова» (5-е звено «Кащеевой цепи»), дал денег — я сел.

Вот какое длинное письмо написал, а далеко не высказал всего, что пришло мне в голову, читая ваш манифест Мужа Земли. Я еще напишу вам об этом не раз. Вы сказали «трудно было писать», все, дорогой мой, хорошее трудно: трудно было, потому что это действительно трудно так сильно сказать и как-то далеко расшвырнуть от себя все мелочи, связанные с писанием предисловия. Мне очень легко на душе стало от себя самого, когда я прочел. Никак не думал, что жизнь так близко с вами сведет. Это не предисловие, а награда какая-то. Счастливый я человек. Крепко любящий вас

Михаил Пришвин

Датируется по письму 14.

[1] См. письмо 13, прим. 9.

[2] Н. Ф. Федоров был заведующим Каталогом Московской публичной библиотеки при Румянцевском музее.

[3] В мистической утопии Федорова овладение силами природы должно было привести к воскрешению умерших предков.

[4] Речь идет о статье Горького «О М. М. Пришвине». Академик Владимир Иванович *Вернадский* (1863—1945) — выдающийся геохимик и минералог. В статье о Пришвине Горький писал о Вернадском: «Замечательный русский ученый Вернадский талантливо и твердо устанавливает новую гипотезу, доказывая, что плодородная почва на каменной и металлической планете нашей создана из элементов органических, из живого вещества ⟨...⟩

Плодородная почва, из которой мы добываем хлеб, образована неисчислимым количеством плоти насекомых, птиц, животных, листвою деревьев и лепестками цветов. Миллиарды людей удобрили Землю своей плотью; поистине, это — наша Земля» (т. 24, с. 266—267).

[5] Иоанн Кронштадтский (Иоанн Ильич *Сергиев*, 1829—1908) — протоиерей Андреевского собора в Кронштадте. Часть почитателей Иоанна Кронштадтского объявила его «святым» и образовала секту иоаннитов.

[6] Роман С. Клычкова «Чертухинский балакирь». См. письмо 14, прим. 7.

[7] Евдокия Федоровна *Никитина* (р. 1893) — литератор. В 1922 г. ею было организовано кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники».

16

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 25 января 1927 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович,

не допустил ли я ошибки, не снабдив мое письмо в «Известия» [1] указанием, что сетования мои на литераторов не имеют в виду письма́ к вам, опубликованного в «Кр⟨асной⟩ нови» [2]? Я не сделал этого потому, что вами ведь объяснено: письмо мое к вам есть предисловие, написанное к Собр⟨анию⟩ сочинений ваших, а сетовал на Ф. Гладкова, Всев. Иванова, Войтоловского [3] и некоторых провинциалов, которые обращаются с моими письмами слишком бесцеремонно. А затем хотелось сказать, что Луначарский редактирует «Избр⟨анные⟩ сочинения» действительно плохо [4].

Будьте добры, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩, ответить на мой вопрос немедля и, если вы найдете нужным, чтоб я ошибку исправил,— немедля исправлю ее дополнительным заявлением в «Известия».

Вчера с восхищением прочитал «Любовь», да и все мои читают ее также с радостью. Чудеснейший вы художник. Когда же и где выходят ваши книги?

Особенно значительны те страницы «Любви», где вы изображаете тюрьму. Плохо редактируется «Н⟨овый⟩ м⟨ир⟩»,— Гладкова не следовало помещать рядом с вами [5], «невыгодно» это для него.

Расхворался, едва избежал воспаления легких. Очень рассердился на себя за нездоровье, на англичан за интервенцию в Китай [6], потому что ведь эта посылка флота, конечно, начало интервенции и может явиться началом новых безумий, пред силою которых поблекнут и 14—19 года.

Жить далее становится трудновато, очень уж обалдели люди здешние.

Сердечный привет. Будьте здоровы.

А. Пешков

25.I.27. Sorrento.

[1] В письме в редакцию газеты «Известия», опубликованном 19 января 1927 г., Горький протестовал против публикации его частных писем писателям: «Я просил бы собратьев по перу ⟨...⟩ не ставить меня при жизни в смешную и неудобную позу человека, как бы раздающего „патенты", „удостоверения" и т. д.» (т. 30, с. 7).

[2] См. письмо 13, прим. 7.

[3] Имеются в виду публикации писем Горького Ф. В. Гладкову («Учительская газета», 1926, № 49, от 11 декабря), Вс. Иванову (в статье М. Ольшевца «Писатель в одиночестве. Почему?» — «Известия», 1927, № 1, от 1 января) и Л. Н. Войтоловскому (в предисловии Д. Бедного к книге Л. Войтоловского «По следам войны», т. II. М.—Л., Госиздат, 1927, стр. 3). См. Горький — Гладков, письмо 14, прим. 2.

[4] В указанном письме от 19 января 1927 г. в редакцию «Известий» Горький критиковал издававшиеся в серии «Русские и мировые классики» под общей редакцией А. В. Луначарского и Н. К. Пиксанова сборники избранных произведений Н. С. Лескова, Г. И. Успенского и В. Г. Короленко.

[5] В «Новом мире», 1927, № 1, начали печататься пятое «звено» романа «Кащеева цепь» — «Любовь» и повесть Ф. Гладкова «Старая секретная» — произведения тематически близкие, изображавшие революционеров в царской тюрьме.

[6] Концентрация английских военных кораблей с середины января 1927 г. в китайских водах была вызвана успешным наступлением революционной армии Китая. В марте 1927 г. империалистические державы — Англия, США и другие — подвергли г. Нанкин ожесточенной бомбардировке. Нажим империалистической реакции способствовал контрреволюционному перевороту, который совершил Чан Кай-ши в апреле 1927 г. в Шанхае.

17

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

2/II 27.
Сергиев, Комсом⟨ольская ул.⟩, 75.

Дорогой наш Алексей Максимович, я сегодня вернулся из Питера, куда ездил в Ленгиз заключать договор на Собрание своих сочинений. Принялся за письмо к вам и в этот момент от вас получил. Нет, я думаю, специально о⟨бо⟩ мне вам писать не следует, маленькое это дело, не стоит заряда, умные так поймут, глупые поболтают, пустяк. Но очень хорошо, что написано, это сразу прекратит все посягательства на ваши письма. Однако нет худа без добра, очень многим эти письма открыли глаза на вашу огромную работу в деле связи, на поразительную отзывчивость вашего сердца. «Письма Горького» наполнили весь литерат⟨урный⟩ мир, всюду слышишь: «а вот Горький пишет...» Мое письмо (к Сочинениям)[1] и дурак поймет,— отдельное письмо. Я его читал десятки раз всем и убедился, что оно замечательное. Иванов-Разумник сказал: «да, это замечательно, это Горький!». И так все, даже несогласные с вами. Впрочем, в отдельных местах и я принадлежу к несогласным, напр⟨имер⟩, я думаю, что нет художника без того, что в философии называется «наивным реализмом». Правда, чтобы написать о чем-нибудь, нужно довертеться до такого состояния, когда поверится, что вещь, о которой пишешь, существует помимо тебя и такой именно, как тебе представляется. А у вас —

идеализм, пахнет даже кантианством [2]. Из этого идеализма получается и тот «человек» без земли и неба, который давно уже поселился в среде русской интеллигенции. Правда, в том же письме вы этого «человека» наливаете соками земли, но выходит противоречиво. А в конце концов оказывается дело не в философии, а в самом Горьком, важно, что тут Горький сам. Ни одна статья о себе не доставила мне такой радости, как ваша, честное слово, я первый раз в жизни почувствовал, что я что-то в самом деле написал.

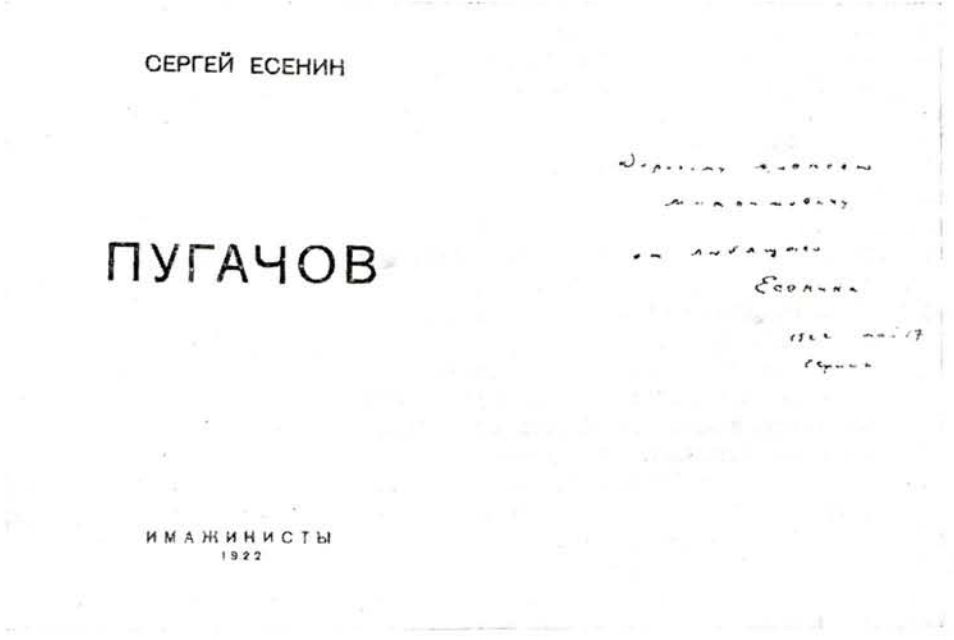
Удачный договор с Ленгизом основан в значительной степени на вашей устной и письменной пропаганде моих писаний. Теперь, если только не будет войны, которая сметет всю нашу литературу, я, первый раз в жизни, могу заниматься литературой, а не добыванием средств существования посредством литературы. Подумайте, ведь даже «Любовь», как я писал: под аванс и к сроку. Нет, Полонский прекрасный редактор. Но с Гладковым наше соседство вышло случайно. Я принес «Любовь» в редакцию, когда номер был уже сверстан. Полонский прочитал, не сходя с места, и велел приверстать мой роман. Спасибо ему! Вот у многих умных людей при чтении моего рассказа вырывается восклицание: — удивительно! Кому нужна такая литература, кто ею заинтересован! В конце концов, объясняют всё моей виртуозностью как художника. Так, помню, в религ⟨иозно⟩-фил⟨ософском⟩ собрании попы, не имея в себе ничего для возражения Розанову на его доклады о «Иисусе сладчайшем», говорили о «художестве» Розанова: «с худож⟨ественной⟩ стороны верно, а с другой...» и т. д.

Мне очень хочется написать вам немного о моих впечатлениях в Питере, где я не был 10 лет! Меня сразу обступили мертвецы, город мне представился огромным музеем, люди показались случайными. А когда я стал рассказывать об этом, никто не понимал меня, п⟨отому⟩ что на их же глазах к 700 тыс. жителей прибавился миллион. Кроме того, у них уже сложился свой маленький, местный, совершенно особенный и новый патриотизм. И у писателей особенно. В Москве я уже совсем было отвык от литерат⟨урной⟩ среды. В Питере сохранились хорошие литер⟨атурные⟩ традиции. Все переменилось: Москва стала деловой, в Питере говорят «по душам». Мы особенно сошлись в этот раз с О. Д. Форш. Мне весьма по душе эта женщина, в своей великой борьбе с нуждой сумевшая все победить: и детей воспитала прекрасно, и сохранила, пронесла в чистоте свою любовь к искусству слова. По-моему, она в Питере самый интересный человек. Не знаю, может быть, и потому, что все-таки заметно чувствуется в молодежи налет собачьей старости. Трое суток мы беседовали с Форш безотрывно, и я пришел к выводу, что право на занятия антропософией можно давать только людям, испытавшим физическую любовь и построившим хорошие семьи. Точно так же думаю о романтизме: что романтизм, проведенный через горнило жизни, превращается в мудрость и что, вероятно, и нет мудрости без предшествующего ей романтизма.

Я от Форш узнал, что вы пишете о женщине («мужчина зашел в тупик») [3]. Пошли вам бог силы совершить сей подвиг! У меня по этому поводу, однако, возникает так много своих дум, что я боюсь писать: не кончишь, как было со многими письмами к вам. Кого-кого ни повидал: между прочим, какого-то Старка [4], который подробно рассказал, как и сколько вы пишете в день писем (интересная для всех загадка). Посетил и Марсово поле, где мы с вами ехали в 17 году на извозчике и вы мне восторженно говорили о громадном памятнике [5]. Теперь я не сразу нашел этот памятник, такой он низкий. Но эти камни все-таки производят какое-то впечатление, я долго думал, что же это такое и, наконец, вспомнил: это похоже на караимское кладбище Чуфут-Кале [6]. Сейфуллина

в Питере — это вроде как прежде Зинаида Гиппиус. Я и у нее побывал, а передо мной был один из виднейших лиц, написавший перед этим хулиганскую статью о Есенине [7]. Он приезжал справиться, как думает литер⟨атурный⟩ мир о его статье. Мне показалось это хорошим поступком и отбавило во мне немного горечи и возмущения и унижения, причиненных мне этой, наверно и вам известной, статьей.

Но какой же все-таки это прекрасный город! Как хорошо в нем теперь жить художнику, истинному владыке этого мирного Чуфут-Кале.


СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ПУГАЧОВ

ИМАЖИНИСТЫ
1922

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ С. А. ЕСЕНИНА ГОРЬКОМУ НА ПОЭМЕ «ПУГАЧЕВ» (М., 1922): «Дорогому Алексею Максимовичу от любящего Есенина. 1922, май 17, Берлин»
Личная библиотека Горького

Я счастлив, что побывал в нем и уехал из него, «вспоминая милых умерших, но втайне радуясь сердцем, что сам остался в живых».

Простите меня за болтовню. Кончайте роман и к нам. У нас для писателя есть два чудеснейших города: Питер и Сергиев. Низко вам кланяюсь.

М. Пришвин

Ваша статья пойдет при 1-м томе («Охота»), выйдет в свет 1-й том в апреле. Мне очень хорошо на душе, дорого очень и очень, что вы открываете мою выставку.

[1] См. письмо 13, прим. 7.

[2] Пришвин, вероятно, имеет в виду слова Горького о том, что человек «сам, силою воображения своего» вносит красоту в мир природы (см. т. 24, с. 265).

[3] См. Горький — Форш, письмо 9.

[4] Леонид Николаевич *Старк* (р. 1891) — поэт, знакомый Горького.

[5] Речь идет о надгробном памятнике борцам революции, созданном в 1917—1919 гг. по проекту архитектора Л. В. Руднева. Памятник расположен в центре Марсова поля.

[6] Караимский мертвый город Чуфут-Кале в Крыму изображен Пришвиным в очерках «Славны бубны» (1913) в гл. VI (Трагикомедия).

[7] Речь идет о статье Н. Бухарина «Злые заметки» («Правда», 1927, № 9, от 12 января).

18

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 12 февраля 1927 г.⟩

Нет, сударь,— я не идеалист, я очень хорошо знаю, что «мир существует помимо меня», как вы пишете [1], и знаю, что он «именно такой, как тебе представляется» — это тоже вы пишете. Как же мне этого не знать, когда шишки на лбу, да и сердце избито. Канта — не люблю, и это именно он помещает человека вне «земли и неба», а я — геоцентрист, антропоцентрист и антропоморфист. Очень крепко чувствую *мою* землю во Вселенной как центр ее, и человека на ней как самое главное и сущее чудо земли. Над гробницей Ньютона написано:

«Да поздравят себя смертные, что существовало такое и столь великое украшение рода человеческого». Это — очень хорошо. Но еще больше нравится мне так: «Да поздравит себя Вселенная, что существует такое и столь великое украшение ее, каков есть человек». Серьезно, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩, вокруг нас нет ничего удивительнее и непостижимей нас самих. Утверждаю, что мир будет счастлив и велик лишь с того дня, когда весь человек его удивится себе самому [2].

Рад узнать, что вам понравилась Форш, умная душа. Я ее не знаю лично [3], а недавно — после «Одеты камнем» и «Современников» — стал переписываться с нею. Очень «ароматная» душа, богатая. Мне еще по ее первым рассказам чудилось: вот, должно быть, хорош человек!

Но — она ошиблась: о «мужчине в тупике» — это я ей написал [4], а не книгу пишу, в книге моей есть один мужчина — «феминист» [5], однако я за него не отвечаю. О «сумерках» мужчины пишут ученые немки d-r Елеонора Кюн и Маргарита Вейнберг [6]. Вот вам и женщина трех К! [7]

Так же рад, что вы согласились писать для Ленгиза книжки для детей, что у вас отлично будет. «Колобок» и «Край непуганых птиц» [8] — тоже издает Ленгиз? ⟨...⟩

Грустно, а хорошо это сказали вы: Петербург — Чуфут-Кале. Очень грустно. О Чуфут-Кале впервые я услышал от еврея, с которым бил щебенку на шоссе около Гази-Баир. Еврей был иронический, долго и прекрасно рассказывал мне о Чуфут-Кале, а когда я предложил ему: «пойдем туда», он, дьявол, сказал: «Такого города — уже нет». Бывало с вами такое? Наговорят много, а — ничего нет. Сейфуллина? Не верю я в Сейфуллину. И не чувствую в ней — в ее книгах ничего специфически женского,— всё — под мужчину. Скажете: это и есть «специфическое». Ну, я искал всегда другого, не только этого [9].

А что вы думаете о Борисе Зубилине? [10] Весьма увлекаюсь этим человеком, замечательно по-русски сделанным. Талантлив он — несомненно. Счастливые слова расцветают в душе вашей, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩. Изумительно сказали вы в одном из писем: «Святые русские писатели Успенский» и др. [11] Очень хорошо, до трепета в душе.

Жму руку.

А. Пешков

12.II.27.

[1] См. письмо 17.

[2] Эта часть письма цитируется в статье Пришвина «Мятежный наказ» (см. «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком», под ред. И. Груздева. М.— Л., Госиздат, 1928, стр. 196—197).

[3] См. предисловие к переписке Горького с О. Д. Форш в наст. томе.

[4] См. Горький — Форш, письмо 9.

[5] Имеется в виду Макаров — персонаж романа «Жизнь Клима Самгина».

[6] Lenore Kühn. Wir, Frauen (Ленора Кюн. Мы, женщины). 1925; Margarete Weinberg. Das Frauenproblem im Idealstaat der Vergangenheit und der Zukunft. Ein Streifzug durch das Wunderland der Utopisten (Маргарита Вейнберг. Жен-

ская проблема в идеальном государстве прошлого и будущего. Путешествие по чудесной стране утопистов). Лейпциг, 1925.

[7] Т. е. Küche, Kirche, Kinder (кухня, церковь, дети) — популярный в буржуазной Германии афоризм о сфере женской деятельности.

[8] «В краю непуганых птиц».

[9] Впоследствии Горький изменил свое мнение о творчестве Сейфуллиной (см. Горький — Сейфуллина, письмо 4 и др.).

[10] Очевидно, Горький имеет в виду Бориса Михайловича Зубакина. Впоследствии отношение Горького к Б. М. Зубакину резко изменилось. См. Горький — Пастернак, письмо 5.

[11] В известных нам письмах Пришвина к Горькому таких слов нет.

В заметке о Пришвине Горький писал: «Удивительно хорошо сказал М. М. Пришвин: „Святые писатели Глеб Успенский, Гаршин“.

Похоже, как будто М. М. „обмолвился“, и от этого вышло очаровательно-искренно» (см. «Архив А. М. Горького», т. VI. М., Гослитиздат, 1957, стр. 211).

19

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сергиев.⟩ 2/IV — 27 г.

Дорогой Алексей Максимович,

вы меня извините, что начало вашего последнего письма об идеализме Канта я послал Груздеву для примечания [1] к соотв⟨етствующему⟩ листу вашей статьи, п⟨отому⟩ что это место многих вводит в заблуждение. Однако, если вы что-либо имеете против, то спешно пишите Груздеву. Ваша статья идет 1-й в моем 1-м томе, который называется *«Охота за счастьем»*. Вторая статья будет Замошкина «Писатель Берендей», 3-м идет напечат⟨анный⟩ в «Нов⟨ом⟩ мире» автоб⟨иографический⟩ рассказ «Охота за счастьем». Я поместил в 1-й том и «Собак» и «Черного араба» и разное охотничье, чтобы том был легким для чтения и тащил другое. 2-й т⟨ом⟩ *Колобок и новые детские рассказы*, 3-й посвящен *худ⟨ожественному⟩ краеведению*: а) «В краю непуг⟨аных⟩ птиц», б) «У стен града Невидим⟨ого⟩», в) «Родники Берендея», IV т⟨ом⟩ «Исследования журналиста» от 1-го моего очерка «Манифест 17 октября» до «Башмаков», V — «Кащеева цепь», VI — «Кащеева цепь», — «Любовь», которую теперь пишу [2].

Вот вам и весь я. Очень мало сделано. Надеюсь поправиться впереди в делах «Любви». Последние наши с вами письма задевают всё «женский вопрос» от Прекрас⟨ной⟩ Дамы до 3-х Ка [3]. Это понятно, п⟨отому⟩ что я пишу об этом и верчусь мыслью кругом, когда одна сторона покажется — пишешь так, другая — по-другому. И все это кручение происходит оттого, что не всякая женщина есть женщина и не всякий мужчина — мужчина, что физика редко совпадает с психикой и множество есть «людей лунного света». Притом же все и относительно. Вот, нап⟨ример⟩, хотя бы 3 Ка. Помню, вы были не в духе, должно быть. Я вам говорю с возмущением о немецком быте в Лейпциге, имея в виду 3 Ка. А вы мне на это отвечаете: — но ведь надо же устроить семью разумно? Да, совершенно верно,— это одно, и совершенно другое — любовь как путь к творчеству (я об этом пишу), и вообще — любвей без конца. Я же понял ваше «мужчина в тупике» через Форш, что вы беретесь поднять, вроде Розанова, женское плодящее чрево (конечно, не в смысле «плодовитости», а в святости жизни,— намеки есть у вас в «Человеке»). Мне кто-то говорил, будто бы Розанов сказал об «экономистах»: «они не знают, что бы сделали, если бы соединились со мной». Знаете, я будто и догадываюсь о значении этих слов — не пустые слова. А ваши слова «мужчина в тупике» я понимаю как «личность в тупике» (это правда ведь). Отсюда я и вывел заключение, что вы хотите романом своим сказать нечто совершенно новое в этой области (т⟨о⟩ е⟨сть⟩, что довольно бы писать о концах личностей, хорошо бы попробовать безликое сделать личностью). Извините за путаницу, я до сих пор никак

не могу признать себя настоящим писателем и не болтать в письмах, которые, как видно, останутся документами (начхать, конечно).

Моя жизнь теперь складывается в Сергиеве почти так же, как ваша в Неаполе: расстояние до Москвы не меньше. Но у меня в моем собственном доме три окна на Вифанку («Лифанку»), по которой весь день в базарные дни едут берендеи. Кроме того, методически с женами ходим друг к другу с С. Т. Григорьевым, грешным делом, немножечко зашибаем и здорово разговариваем. Вокруг много интересных русских людей. Я себе легко представляю возможность увидеть вас за своим струганым столом, чего не могу сказать о своих прежних друзьях. Хотел бы вам послать замечательные книги, но боюсь, что у вас они уже есть. Я их назову, а вы в след⟨ующем⟩ письме черкните, есть ли они у вас:

1) Альбанов «Экспедиция Брусилова» [4], 2) Арсеньев «В дебрях Уссурийского края» [5], 3) Пантелеев и Белых «Республика Шкид» [6], 4) Смельницкий «Друг человека» [7]. 1-я — гениальна, 2-я — превосходна, 3-я — очень значительная и поучительная, 4-я — трогательна. Вышла в Гизе «Кащеева цепь» [8] («Курымушка» + «Юность Алпатова»). Досадная книга: без конца. Боюсь даже вам посылать. Но если надо — пришлю.

Будьте здоровы.
Ваш М. Пришвин

С некоторого времени все письма ко мне содержат хвалу вашей статье [9], от Воронского до какой-то учительницы из Челябинска.

[1] Письмо Горького от 12 февраля 1927 г. в примечаниях к статье «О М. М. Пришвине» не было использовано.

[2] Речь идет о Собр. соч. М. М. Пришвина в шести томах. М.— Л., Госиздат, 1927—1928, т. I. «Охота за счастьем», 1927; т. II. «Колобок», 1927; т. III. «Родники Берендея», 1928 (очерки «У стен града Невидимого» напечатаны в этом томе под названием «Светлое озеро»); т. IV — получил название «От земли и городов» (1928). Точное название «1-го очерка» — «Манифест в деревне» (впервые очерк был напечатан в газ. «Русские ведомости», 1905, № 312, 26 ноября); т. V. «Кащеева цепь», 1928; т. VI. «Кащеева цепь», книга вторая, 1928. Пятое «звено» романа «Кащеева цепь» напечатано под названием «Государственный преступник»; т. VII. «Журавлиная родина», 1930.

[3] См. письмо 18, прим. 7.

[4] В. И. Альбанов. Между жизнью и смертью. Дневник участника экспедиции Брусилова. Предисловие Н. В. Пинегина. М.— Л., Госиздат, 1926.

[5] В. К. Арсеньев. В дебрях Уссурийского края. Владивосток, «Книжное дело», 1926.

[6] Г. Белых и Л. Пантелеев. Республика Шкид. М.— Л., Госиздат, 1927.

[7] Ю. М. Смельницкий. Друг человека. Казань, 1925.

[8] Михаил Пришвин. Кащеева цепь («Голубые бобры», «Маленький Каин», «Золотые горы», «Бой»). М.— Л., Госиздат, 1927.

[9] См. письмо 13, прим. 7.

20

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. Середина апреля 1927 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович,

против примечания к статье, разумеется, ничего не имею, хотя решительно не помню, что я писал о Канте, которого не люблю. Ко всем моим мыслям о том, чего я не люблю, я отношусь небрежно, и они у меня не долговечны. А, вот, женщину, особенно — мать, люблю и думаю о ней непрерывно, отовсюду выклевывая курносым носом моим мысли для нее лестные. Недавно в книжке Богданова «Борьба за жизнеспособность» вычитал: «... по своему исходному составу клетки тела мужчины менее сложны, чем клетки тела женщины, а, значит, надо полагать, и биологически ниже» [1]. Богданова я давно и хорошо знаю, высоко ценю его, ибо он — ере-

тик, а — что лучше еретика, среди человеков? И вас люблю за еретичество.

Роман мой я еще не кончил [2] и не знаю, когда кончу, но уже почти уверен, что это будет книга тяжелая и неудачная. Женщин писать я не умею, и они будут у меня, наверное, похожи на портрет римского папы, написанный католиком-китайцем (такой портрет был на Миссионерской выставке в Ватикане в anno santo*) — папа-то косоглазенький и желтый вышел. Да. И вообще — парнишка я — бойкий, а таланта у меня — мало. Факт.

Возвращаясь к женщинам: уверен, что двадцатый век будет веком гинекократического движения. Мужик — изработался. Только считает талантливо: до Марса — 16 верст, клетка нервной ткани весит 0,000? микрона, расстояние от души до души человеческой 249 миллиардов световых лет и т. д.

«Республику Шкид» — читал, с авторами переписываюсь. Видели вы их? Какие славные, скромные и умненькие они, судя по письмам. Книга их меня обрадовала и потрясла — жутко. А как они монументально изобразили зав. школой Викниксора? Это — Пантелеев, он талантливее Белых, склонного к фотографированию словами.

Если пришлете Альбанова, Арсеньева и «Друга человека», буду очень благодарен.

«Кащееву цепь» — имею, но еще не перечитывал. Читаю я много, всю «текущую литературу», ох, не туда она течет! Отдыхаю на «Записках» ехидного Вигеля [3], на «Патерике печерском» [4], на пророках и вообще на старинке разной. Глаза болят, астма душит, иностранцы наседают — беда!

С. Т. Григорьеву — привет и поклон. Хорошего заряда человек.

Сергеев-Ценский издается в «Мысли» [5]; боюсь, не обидели бы его. Ему бы надо в Ленгиз, но сей последний опоздал предложить ему свои услуги. Хотите прочитать хорошую книгу? Возьмите Перес де Айала «Белярмин и Аполлонио», издат⟨ельство⟩ «Кубуч», 25-й год [6].

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется как ответное на письмо 19.

[1] А. Богданов (псевдоним Александра Александровича *Малиновского*, 1873—1928) — философ, публицист и биолог. Участник революционного движения с девяностых годов; в период первой русской революции большевик, член ЦК РСДРП. Горький познакомился с Богдановым, по-видимому, в 1905 г., в период совместного сотрудничества в большевистской легальной газете «Новая жизнь». В годы реакции Богданов выступил с ревизией марксизма с идеалистических, махистских позиций, возглавлял антипартийную группу «Вперед», был одним из руководителей так называемой «Каприйской школы». После 1917 г.— один из организаторов и руководителей Пролеткульта. Последние годы жизни был директором Московского института переливания крови.

Горький цитирует книгу Богданова «Борьба за жизнеспособность» («Новая Москва», 1927, стр. 73). Книга хранится в АГ с пометами Горького.

[2] «Жизнь Клима Самгина».

[3] «Записки Филиппа Филипповича Вигеля». Издание «Русского архива», дополненное, с подлинной рукописи. Чч. 1—7. М., 1891—1893.

[4] «Патерик Печерский» — памятник древнерусской литературы XIII в., содержащий жития иноков Киево-Печерского монастыря, рассказ о построении Печерской церкви и пр.

[5] «Мысль» — частное издательство, существовавшее в Ленинграде в двадцатых годах, выпустило Собр. соч. С. Н. Сергеева-Ценского и ряд отдельных изданий его произведений.

[6] Перес де Айяла. Белярмин и Аполлонио. Пер. с испанского Б. А. Кржевского и В. В. Рахманова. Прим. и ред. Б. А. Кржевского. Л., «Кубуч», 1925.

---

* святой год (итал.).— *Ред.*

21

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 15 мая 1927 г.⟩

Верно, Михаил Михайлович, сказали вы о Розанове [1], что он, как «шило в мешке—не утаишь», верно! Интереснейший и почти гениальный человек был он. Я с ним не встречался, но переписывался [2] одно время и очень любил читать его противопожарную литературу. Удивляло меня: как это неохристиане [3] Р⟨елигиозно⟩-ф⟨илософского⟩ общества могли некоторое время считать своим человеком его — яростного врага Христа и христианского гуманизма? [4] Он, у нас, был первым предвозвестником кризиса гуманизма, и Блок, в этом вопросе, шел от него [5], так же как от него шел и Гершензон в своем отрицании культуры, особенно резко выразившемся в «Переписке из двух углов» [6]. В этом смысле и в этой области — борьба против Христа — Розанов был одним из наших «духовных» революционеров,— на мой взгляд, и хотя он был — из робости — косноязычен, но по прямолинейности мысли не хуже Константина Леонтьева и Михаила Бакунина.

Да, гуманизм из жизни вытравили и, подобно картофелю, лучшая часть его — в земле. Вот я смотрю на то, что осталось, и вижу: гуманитарная интеллигенция наша, сущая «в рассеянии» по Европам, изумительно быстро потеряла лицо свое и вот: профессор Ильин [7] пишет, опираясь на канонические евангелия, отцов церкви, богословов и свой собственный гниловатый, но острый разум, сочиняет Евангелие мести, в коем доказывается, что убивать людей — нельзя, если они не коммунисты. А боголюбивая неохристианка Зинаида Гиппиус возглашает присным: не нужно кричать о большевиках, «повесим их в молчании» [8]. Сюда же примыкает и «богочеловек» Н. В. Чайковский [9], благословивший интервенцию, и профессор Дух⟨овной⟩ академии Антон Карташев [10], человечек богобоязненный, но злой — как лисица.

Вы мне простите,— м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, вам неинтересно все это, но я ежедневно просматриваю две-три эмигрантских газеты, и, знаете, тяжело видеть русских людей, которые так оторвались от России, так не чувствуют ее и не хотят — или уже не могут? — понять судороги ее возрождения и убеждают друг друга изо дня в день, все более малограмотно и скучно, что это — судороги агонии. О малограмотности я сказал не зря: русский язык здесь даже старики забывают.

А вот недавно у меня была,— проездом из Константинополя, куда она ездила делать снимки с византийской живописи,— москвичка одна [11] и пела мне частушки,— удивился я что делают с русским языком в России! И — как остроумят! —

Ну-ко, встану, погляжу —
Хорошо ли я лежу?

Читаю ваши «Рассказы егеря» [12]. Отлично! До чего вы чудесно знаете язык, какая мудрая простота и звучность.

Крепко жму руку.
А. Пешков

15.V.27.
S⟨orrento⟩.

Хорошо, с большим пониманием пишут в Америке о С⟨ергееве⟩-Ценском, по поводу его «Преображения» [13]. Сегодня послал ему рецен⟨зии⟩.

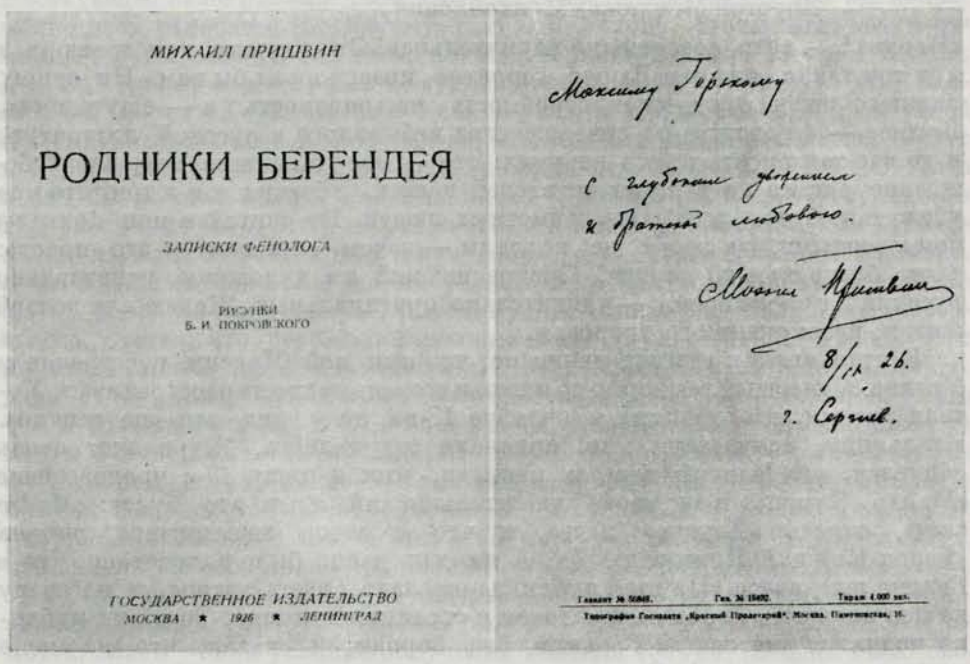
[1] В письме от 29 апреля 1927 г. Пришвин, сообщая Горькому о том, что от могилы В. В. Розанова не осталось следа, писал: «Розанов лежит, как шило в мешке» (АГ).

[2] Пять писем Розанова к Горькому опубликованы в «Беседе», 1923, № 2. Там же в примечаниях напечатано одно письмо Горького к Розанову (стр. 409—410).

Письмо Розанова к Горькому от 20 января 1919 г. опубликовано в «Вестнике литературы», 1919, № 8.

Одно письмо Горького к Розанову от 4/17 ноября 1905 г. см. в сб.: «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов». М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 55—57.

[3] Члены Религиозно-философского общества (см. письмо 4, прим. 3) выдвигали идею создания «нового христианства», пытались приспособить «устаревшие формы христианской религии» к «современному состоянию человеческого ума».


МИХАИЛ ПРИШВИН

РОДНИКИ БЕРЕНДЕЯ

ЗАПИСКИ ФЕНОЛОГА

РИСУНКИ
Б. И. ПОКРОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД

Максиму Горькому

с глубоким уважением
и братской любовью.

Михаил Пришвин

8/IX 26.
г. Сергиев.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ М. М. ПРИШВИНА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ «РОДНИКИ БЕРЕНДЕЯ» (М.—Л., 1926):

«Максиму Горькому с глубоким уважением и братской любовью. Михаил Пришвин. 8/IX 26. г. Сергиев»

Личная библиотека Горького

[4] В книгах «Темный лик», «Люди лунного света», «Опавшие листья» и других Розанов восставал против аскетизма догматического христианства во имя «религии плоти», «святости пола» и т. п.

[5] Горький имеет в виду доклад «Крушение гуманизма», прочитанный А. Блоком на заседании редколлегии издательства «Всемирная литература» 9 апреля 1919 г.

[6] Михаил Осипович *Гершензон* (1869—1925) — литературовед и публицист, автор ряда книг по истории культуры и общественной мысли, участник сборника «Вехи». В книге, написанной совместно с Вяч. Ивановым, «Переписка из двух углов» (Пг., «Алконост», 1921) Гершензон писал «о радости освобождения из плена культуры, о стремлении сбросить с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях искусства, поэзии и выйти на берег нагим, как первый человек» (стр. 11).

[7] И. А. Ильин — философ-идеалист, белоэмигрант.

[8] Строка из злобно контрреволюционных стихов З. Гиппиус в сб. «Последние стихи». Пг., 1918.

[9] Н. В. Чайковский (1850—1926) — один из лидеров партии эсеров. В 1874 г. эмигрировал за границу. В 1905 г. возвратился в Россию. В 1918 — глава белогвардейского правительства в Архангельске.

[10] Антон *Карташев* — профессор богословия, белоэмигрант. См. о нем в статье Горького «О белоэмигрантской литературе» (т. 24, с. 338).

[11] Имеется в виду Ольга Николаевна *Бубнова* —искусствовед.

[12] М. Пришвин. Рассказы егеря Михал Михалыча («Чибис», «Птицы под снегом», «Разговор птиц и зверей», «Куница»).— «Красная нива», 1927, № 18.

[13] В 1926 г. в Нью-Йорке вышел перевод первой части романа С. Н. Сергеева-Ценского «Преображение» с предисловием Горького (S. Tzensky. Transfiguration. Translated from the russian by Marie Budberg. Edited with an introduction Maxim Gorky. Robert M. Mc. Bride and Company. New York, 1926).

22

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 18 июня 1927 г.⟩

Дорогой М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩,

«Нерль» [1] — вещь совершенно изумительная! Это сделано, как гравюра и при том такая, что сам Дюрер, вероятно, позавидовал бы вам. Ни одного лишнего штриха, чудесная стройность, насыщенность и — ощутимость. Вообще — вы достигаете совершенства небывалого в русской литературе и до вас так писать никто не умел. Это — мое убеждение, искреннее убеждение одного из русских читателей ваших. Убежден я и в том, что мое убеждение будет всеобщим грамотных людей. Не считайте мои похвалы неумеренными, да это и не похвалы — зачем они вам? — это просто: слова благодарного сердца. Прекраснейший вы художник, удивительно русский и в то же время — удивительно оригинальный. Желаю вам долгой жизни, несокрушимого здоровья.

В итальянских газетах написано, что сын мой Максим расстрелян в Москве. А он пятый год живет со мною, и его еще никто не расстреливал. Хотели расстрелять офицера́ в октябре 17-го, но у них это «не вышло». Итальянцы, сочувствуя мне, прислали журналиста. Журналист очень обиделся, что Максим жив, и написал, что: я пишу *19-е* произведение «Макар Чудра», в переводе на итальянский язык это будет: «Madre cara», сиречь «Дорогая мать», и что я автор знаменитого романа «Город Нижний Новгород». Да. А не так давно было напечатано, что в Гвиане шла пьеса «На дне», публика пожелала видеть автора, и на сцену вышел большой, бородатый человек в странном костюме. Тогда из публики поднялся настоящий Горький, без бороды, и сказал, что «на сцене не он, а он — вот он!» О господи...

Вообще про нас, русских, пишут такое, что даже и не удивляешься уже. Сами о себе мы пишем тоже не очень грамотно. На днях в «Руле» [2] читаю: «граф Федор Сологуб (не автор „Тарантаса", а поэт...)». Там же: «Гулливер. Де Фо». Кандалакшу перенесли в Сибирь на Индигирку. И т. д.

Очень обрадованы гг. эмигранты убийством Войкова [3], Турова [4], бомбами в Петербурге [5]. Уверены, что скоро их пригласят строить Россию. Глупо всё.

Но — не стоит писать об этом. Так много всего и так противно.

Крепко жму руку. Сердечно поздравляю вас, удивительный.

А. Пешков

18.VI.27.

Из Владивостока получил книжку о рыбе-кете [6], прислать вам? О рыбе — интересно, но там мальчишки рассуждают, и это — плохо.

[1] Рассказ «Нерль» был напечатан в «Новом мире», 1927, № 6.

[2] «Руль» — белоэмигрантская газета (Берлин).

[3] Посол СССР в Польше П. Л. Войков был убит 7 июня 1927 г. в Варшаве белогвардейцем Кавердой.

[4] В. З. Туров — старый большевик, погиб от руки террориста 10 июня 1927 г. около станции Битца, Моск.-Курской ж. д.

[5] 7 июня 1927 г. английскими диверсантами были брошены бомбы в Центральный партийный клуб в Ленинграде, в результате чего было ранено около тридцати человек.

[6] Имеется в виду книга Трофима Борисова «Тайна маленькой речки. Из жизни дальневосточных лососей». Хабаровск—Владивосток, «Книжное дело», 1927. См. письмо 28. Книга была прислана Горькому по его просьбе изд-вом «Книжное дело».

23

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сергиев.⟩ 27/VI—27.

Дорогой
Алексей Максимович,

я получил письмо ваше о «Нерли», а сам все откладываю писать на предшествующее ваше письмо [1], и в этот раз сознательно, зная, что вы непременно всем отвечаете (по Когану так) [2], и, значит, своим письмом я отнимаю у вас время. Кроме того, поджидаю продолжения истории Клима, а то по первому отрывку как-то судить нельзя, чувствуется, что это Горький, но мало ли Горького было, важно, как в этот раз выйдет: вы такой неожиданный человек и натуристый, как говорят мужики. Слышал, будто в «Кр⟨асной⟩ нови» роман больше не будет печататься [3]. Вот беда! Но я и сам бы не стал давать Раскольникову [4], который, помню, «исправил» мой рассказ до того, что я не узнал его, а когда я обиделся, он был совершенно изумлен и ответил мне: я вам добра желал, ведь я всем исправляю, и все товарищи меня благодарят. Какие люди есть! Я не бываю в Москве, не читаю лит⟨ературную⟩ полемику, не занимаюсь политикой совершенно, считая, что революция должна меня (художника) освободить от политики, иначе она не революция. Я твердо стою на этой точке и, благодаря этому, пишу действительно лучше, чем писал до революции [5]. Но чем я больше понимаю себя и свое время, тем меньше понимаю эксперименты с худ⟨ожественной⟩ литературой. Однако, думаю, что вся история с «Кр⟨асной⟩ новью» какое-то слишком домашнее дело и кончится возвращением Воронского на свое место. А роман ваш все равно прочту где-нибудь. Боже мой! В свое время я бы на куски разорвал того человека, кто заявил бы свое право художника превыше обязанностей гражданина. И я был прав тогда, и я прав теперь. Дело в том, что охота и писание значат для меня свободу в полном смысле слова, деньги — как необходимость, слава — как условие получения денег, и только. Я ценю свою свободу через литературу и тем, что от этого являются на сбор какие-то родственники. Да, первое очарование от успеха в литературе были деньги: из сказки рождаются деньги, на которые можно путешествовать, второе, что я — не один на свете, что в творчестве люди объединяются. Теперь, конечно, я уже не могу чувствовать так гениально-наивно, о чудесах денег и речи не может быть, но в деле «родства» я голодный человек. Похвала — это вздор, конечно, но появление родственника — это прекрасно. И вот это меня изумляет в вашем письме. Прочитает человек «Нерль» и опрокидывает на тебя все богатство своей души. Как вы умеете восхищаться! Никто не понимает значения ваших писем с этой стороны. Писатели ходят в редакции с письмом Горького в кармане, и когда рука опускается в карман, редактор говорит: «знаю, знаю...» Вы создали какую-то огромную «Обезьянью палату» (помните, Ремизов выдавал знаки обезьяньи, 1-й и 2-й степени, и наводнил Петербург ими) [6]. Вы теперь у нас по этой силе чувства родства (т⟨о⟩ е⟨сть⟩, это, напр⟨имер⟩, автор «Нерли» как бы ваш брат и что в данный момент «Нерль» существует, а не я, Максим Горький) — и президент, и царь, и султан обезьяньей палаты. Я так рад, что чувство не обмануло меня обратиться с просьбой о предисловии, что выходящий на днях мой «собачий» том будет открываться вашей статьей.

Однако, признаюсь, я с отвращением читал панегирик Когана [7] вам в какой-то газете, с повторением слов «мудрец» и «Лев Толстой» ⟨...⟩ Вот и я тоже «Войну и мир» не написал, но на своем месте я «такой же, как Лев Толстой», да, я знаю, охотничий рассказ мой не хуже, чем Лев

Толстой, а пожалуй, и лучше: я не Толстой, а Пришвин. Так точно и Горький — в своем он Горький. И Когану надо было добраться до Горького, а не «доводить» Горького до Толстого. В Сергиеве на улице иногда слышу про себя: «вот наш новый Горький идет». А про вас теперь: «Лев Толстой».

Когда я думаю о вашей славе, то иногда представляю себя в вашем положении, что буду я делать. Ведь нельзя же сразу обернуть ее в деньги и куда-нибудь удрать на большую охоту: найдут, все равно найдут, как Толстого в Астапове. Значит, вероятно, надо нести это. Так-то, Алекс⟨ей⟩ Макс⟨имович⟩, значит: «носи». С другой стороны, думаешь, и слава на пользу идет иным, вероятно, это она воспитала в вас такую жажду по «настоящему», по родству. Без этого родства невозможна большая литература, оно питает ее, и старайтесь, как можно больше старайтесь! Вот погодите, кончу, примерно так, к рождеству «Кащееву цепь» и крикну, ей-богу, крикну об этом, невозможно жить в такой духоте, крикну и вам помогу.

Одно хорошо было у Когана узнать, что посланная мной вам книга Арсеньева нашла в вас ценителя [8]. Я очень рад. Книга, благодаря вам, станет на полки всех наших библиотек и воспитает юношество лучше, чем Майн-Рид. И человек, этот Арсеньев, говорят, очень хороший. Книгу о рыбе кет пришлите, я такие ужасно люблю.

Ну, спасибо же, спасибо вам за доброе слово. Сейчас возьму «Нерль» и прочитаю и подумаю, нет ли там какого-нибудь мотивчика для культивирования. Видите, я не «антропософ», а «собакософ», иду к человеку от собаки (не наоборот), и, вероятно, вас тронуло некоторое продвижение в сторону человека. Подумаю, и это так приятно. Вы мне напишите, где надо искать ваш роман *.

Очень обрадовали, еще раз! и обеими руками трясу вашу руку.

М. Пришвин

* Сейчас зашел Евдокимов и дал все сведения о романе [9].

[1] См. письмо 21.

[2] П. С. Коган в статье «Встречи и впечатления. У Горького» («Вечерняя Москва», 1927, №№ 1922 и 1923, 1 и 3 июня) отмечал, что Горький «ведет обширную переписку, получает тысячи писем и отвечает всем...».

[3] Отрывки из романа «Жизнь Клима Самгина» были напечатаны в «Красной нови», 1927, №№ 5 — 7; 1928, №№ 5—8.

[4] В середине 1927 г. А. К. Воронский был снят с поста главного редактора журнала «Красная новь», а затем выведен из состава редколлегии журнала. Вместо него был введен в редколлегию журнала Ф. Ф. Раскольников. См. Горький — Гладков, письмо 15, прим. 1.

[5] В дальнейшем Пришвин пересмотрел подобные взгляды. В дневнике 1943 г. в связи с работой над романом-сказкой «Осударева дорога» он писал: «... я хочу создать „ведущую“ вещь, в которой я честно отстаиваю наш коммунизм против индивидуализма» (Собр. соч., т. 6. М., Гослитиздат, 1957, стр. 825).

[6] В 1919 г. А. М. Ремизов создал в Петербурге шуточное общество, названное им «Обезьяньей великой и вольной палатой». Подробнее см. об этом в книге К. Федина «Горький среди нас», ч. II (1921—1928). М., Гослитиздат, 1944, стр. 6—8.

[7] См. прим. 2.

[8] В статье «Встречи и впечатления» П. С. Коган писал: «Заговорив о современной русской литературе, он начал с книги некоего Арсеньева, называется она, кажется, „По Уссурийским степям“.

Он говорил долго и с увлечением об этом „сочетании Брема и Купера“, говорил, что необходимо ее переиздать».

Свое мнение о книге «В дебрях Уссурийского края» Горький изложил в письме к В. К. Арсеньеву от 24 января 1928 г. (т. 30, с. 69—70). Это письмо положило начало их переписке.

Пять писем Горького к Арсеньеву напечатаны в т. 30. Письма Арсеньева Горькому хранятся в АГ.

[9] Иван Васильевич *Евдокимов* (1887—1941) — писатель.

24

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 3 октября 1927 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович,

получил и прочитал ваш 1-й том [1]; впечатление альпийского луга: все цветы — знакомые цветы земных долин, но и обилие, и крупность их, и какое-то необъяснимо мудрое сочетание этих милых цветов, все это заставляет видеть их как невиданные никогда.

Посылаю вам мою книгу [2]:

ГОРЬКИЙ НА I ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
Рядом с Горьким (слева) А. И. Безыменский и (справа) Я. Купала
Фотография. Колонный зал Дома Союзов, 17 августа—1 сентября 1934 г.
Музей Горького, Москва

«Роман: „Жизнь Клима Самгина“ на 800 персон»,— как, не без остроумия, написано в одной газете московской [3].

Всего доброго, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩, всего хорошего!

Привет вашим.

А. Пешков

3.X.27.
Sorrento.

Какое это изумительное явление — русский художник слова. Читаю Ценского и, право, едва не прыгаю от радости. Вы знаете — у него дом лопнул в минуты землетрясения [4].

[1] Пришвин послал Горькому первый том своего Собр. соч. («Охота за счастьем») дарственной надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову с любовью и благодарно-

стью от чистого сердца. Михаил Пришвин. 25.IX.27 г. Сергиев» (ЛБГ). Заметку Горького об этом томе Пришвина см. в «Архиве А. М. Горького», т. VI. М., Гослитиздат, 1957, стр. 212.

[2] Первая часть романа (Берлин, «Книга», 1927) была послана Пришвину с дарственной надписью: «М. М. Пришвину. М. Горький. 3.X.27. Sorrento» (личный архив Пришвина).

[3] См. Горький — Гладков, письмо 22, прим. 2.

[4] В июле и сентябре 1927 г. в Крыму, где жил Сергеев-Ценский, произошли землетрясения.

25

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сергиев. 2—3 ноября 1927 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович,

спасибо вам за «Клима», я прочитал ее очень внимательно и по-своему все разобрал в книге, вот почему так долго не писал вам. У меня осталось такое впечатление, что эта книга — вступление к огромной эпопее, что самое главное впереди, и потому я не стану мешать вам своим разбором. Однако все-таки я не удержусь вам намекнуть, что книга слишком насыщена афоризмами в диалогах, и это утяжеляет чтение, сужу по своему мальчику Пете: он, негодяй, их пропускает! Напротив, изображение такого живого существа, как портниха (1-я любовница Клима), охоты на сома, Ходынки, Нижегородской ярмарки очень поднимает и навсегда запоминается. Я рискну высказать мысль, что афоризмы надо писать или купно, как у Достоевского легенда о Велик⟨ом⟩ Инквизиторе, или же, как это сделано у Розанова, будто бы от себя, т⟨о⟩ е⟨сть⟩, какой-то одной личности. Я это говорю вам должно быть верно: диалоги в «Климе» трудноваты. Но они бывают у вас гениальны, когда уводят в стихию русской народной мудрости, как это превосходно выходит в любимом моем «Отшельнике». Когда вам захочется мне написать, то напишите, в каком положении ваша работа: когда можно ожидать окончания романа — это раз, и думаете ли по окончании побывать в России, т⟨о⟩ е⟨сть⟩, вернее, есть ли к этому возможность по состоянию вашего здоровья. Это имеет отчасти и практическое значение, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ не хотелось бы во время вашего приезда очутиться где-нибудь в Уссурийском краю в гостях у Арсеньева (а я об этом подумываю по окончании своей затеи). Вчера я пересматривал сочинения Чехова, и вот как показалось все устарелым, жуть! И вот думаю, что если бы Чехов со своим исследовательским даром изображал бы не обреченных врачей, акушерок, а, напр⟨имер⟩, жизнь муравейника, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ настоящего, лесного, то ведь это было бы бессмертное сочинение. Так вот и о себе думаю, не упустить бы со своей «Кащеевой цепью» свою бессмертную кочку. Как подумаешь, так и тянет (все еще!) на Уссури.

Сейчас получил от Иванова-Разумника письмо, написанное по новейшей орфографии, со склонением иностранных слов и без мягкого знака, вот выдержка:

«Пишу у своей бюры, с пенсном на носу и с кашнем на шее; думаю, не надеть ли пальта» и т. д. Вот чу́дно-то!

Моя книжка (1-й том) с вашей помощью, говорят, пошла очень хорошо, еще раз большое вам спасибо, Ал⟨ексей⟩ Макс⟨имович⟩, пожалуйста, не болейте, пишите «Клима» на высоких волнах «Детства», «Отшельника» и др. и *до свидания*.

М. Пришвин

После этого письма прочитал в «Известиях» выдержки вашего письма к Халатову [1], которые отвечают на поставленные вам мною вопросы.

Считаю ваше намерение явиться «невидимкой» на родину и сказать всю правду по всей совести большого человека за великий подвиг.

Смеюсь над собой: робел вам предложить в письме «невидимку», а между тем это же публикуют в газетах!

Но мне по секрету вы все-таки напишите, около какого времени вы думаете быть у нас: мне очень хочется пройтись с вами в Посад за баранками: по-моему, сразу всё тут и увидите. У меня приятельские отношения с одним литер⟨атурным⟩ комсомольским кружком, тут же по пути за баранками и завернем к ним и тоже зараз посмотрим на Андрея Рублева расчищенного и без оклада — это чудо русского искусства [2]. Всё без парада увидите, без автомобиля, только один раз пройдемся за баранками. Завернем к Сергею Тимоф⟨еевичу⟩ Григорьеву, спустимся вниз к постройке электростанции и т. д.

М. П.

Датируется по упоминанию публикации отрывков «Из письма Горького к тов. А. Б. Халатову» (см. прим. 1).

[1] Горький писал А. Б. Халатову: «Кончаю второй том Самгина. Мне хочется написать книгу о новой России. Я уже накопил для нее много интереснейшего материала. Мне необходимо побывать — невидимкой — на фабриках, в клубах, в деревнях, в школах на уроках, в колониях для социально-опасных детей, у рабкоров и селькоров, посмотреть на женщин-делегаток, на мусульманок и т. д. и т. д. Это — серьезнейшее дело. Когда я об этом думаю, у меня волосы на голове шевелятся от волнения.

Очень трогательные и удивительно интересные письма пишут мне разные маленькие строители новой жизни из глухих углов страны» («Известия», 1927, № 252, от 2 ноября).

[2] Речь идет об иконе Рублева «Троица» в соборе Троице-Сергиевского монастыря. Ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее. «Троица» Рублева была реставрирована в 1918 г. группой художников-реставраторов, в которую входили Г. О. Чириков, И. И. Суслов, А. А. Тюрин, В. О. Кириков и др.

26

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 11 января 1928 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович,

не имея ответа на два мои письма к вам, думаю, что вы не получили их. Во втором я очень просил вас послать «Погоню за счастьем» [1] Ромен Роллану — Швейцария, Villeneuve (Vand) Villa Olga.

Если можно — сделайте это! Роллану прочитают книгу в переводе очень хорошем, можете быть уверены. А я уверен, что книга доставит ему большое наслаждение. Он, бедняга, начинает серьезно прихварывать, что, впрочем, не мешает ему работать.

Я тоже работаю во всю силу и постепенно уже собираюсь в Россию. Очень хочется. Приеду, наверное, во второй половине мая.

Как вы живете? Едете ли в Уссурийский край? И — когда? Мне хочется побывать в Новосибирске [2], интересные там литераторы.

До свидания. Всего доброго

А. Пешков

11.I.28. Sorrento.

[1] М. М. Пришвин. «Погоня за счастьем», М., 1927.

[2] Это намерение не осуществилось.

27

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сергиев.⟩ 20/I—28.

Дорогой Алексей Максимович,

я ваших писем не получал и упрекал себя за свое последнее [1], думал, что обидел вас. До сих пор не могу отделаться от наивного отношения к писанию этих писем. Пишу часто, что́ думаю в данный момент, а когда отправляю письмо, то вдруг оказывается, думаю совсем по-другому. Помню писал вам какую-то ерунду о Чехове и что еду в Уссурийский край, хотя совсем не еду и т. д.

С большим удовольствием отправляю сегодня же «Охоту за счастьем» Р. Роллану. А когда запечатывал бандероль, сказал Леве: — Как ты, Левка, думаешь, приятно осмелиться послать свою книгу Ромену Роллану? — Конечно, говорит, приятно. И я ему: — Вот, доживи. И он мне на это: — Постараюсь, папочка, дожить.

Недели две тому назад отправил Груздеву для вашего юбилейного сборника свою статью о Горьком под заглавием «Мятежный наказ» [2]. Я, видите ли, ввел это в статью в пику получившей у нас известность теории «социального заказа» [3]. Статейка далась мне с большим трудом, потому что очень большая у вас слава, притом еще юбилей — получается «многоуважаемый шкаф». Во избежание пошлости пришлось покапризничать и получилось немножко бароккисто и недостаточно тепло.

Постараюсь никуда не уезжать до вашего приезда и с вами непременно повидаться. Я большую ошибку сделал, что не побывал у вас за границей. Теперь, чувствую, мне не хватает несколько взгляда на действительность со стороны.

Алексей Максимович, если у вас будет минута свободного времени, подумайте и напишите мне, как устроить мне перевод хоть какой-нибудь моей книги на иностранные языки. Раньше, до войны, был у меня знакомый, отличный переводчик Элиасберг, он перевел на немецкий «Араба», «Крут⟨оярского⟩ зверя» и еще несколько рассказов [4], писал, что книга имела некоторый успех. Очень возможно, что и сейчас можно сделать что-нибудь вроде этого. Гонорар тут ничтожный, я не из-за этого, но приятно бы, напр⟨имер⟩, своих «Собак» [5] послать знаменитым французским охотникам, глядишь, мне бы за это выслали бы от Франц⟨узской⟩ республики в награду кобеля или медаль. Простите, договорился до кобелей... Вчера ездил в Москву сдавать Полонскому новое звено «Юный Фауст» [6], зашел перед этим в Союз охотников и там с 11 д⟨ня⟩ до 5 в⟨ечера⟩ проговорил о собаках, а когда явился к Полонскому, то оказалось, — его больше в «Нов⟨ом⟩ мире» не существует и на его месте сидит другой [7]. Но самое главное, оказалось, что это все равно и даже лучше, у нового я осмелился попросить прибавку к гонорару. Почему так выходит, что у нас нет незаменимых лиц, как это было раньше. Я очень об этом тоскую, и у меня есть надежда, что когда вы приедете, то с вашей помощью устроится настоящий журнал и явятся незаменимые лица.

Будьте ж здоровы, жду вас с большой радостью.

М. Пришвин

Хорошо бы на почте предъявить квитанции ваших пропавших заказных писем и таким образом, выяснить кто же ими интересуется.

[1] См. письмо 25.

[2] Статья Пришвина «Мятежный наказ» вошла в книгу «Горький. Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком». Под ред. И. Груздева, М.—Л., Госиздат, 1928.

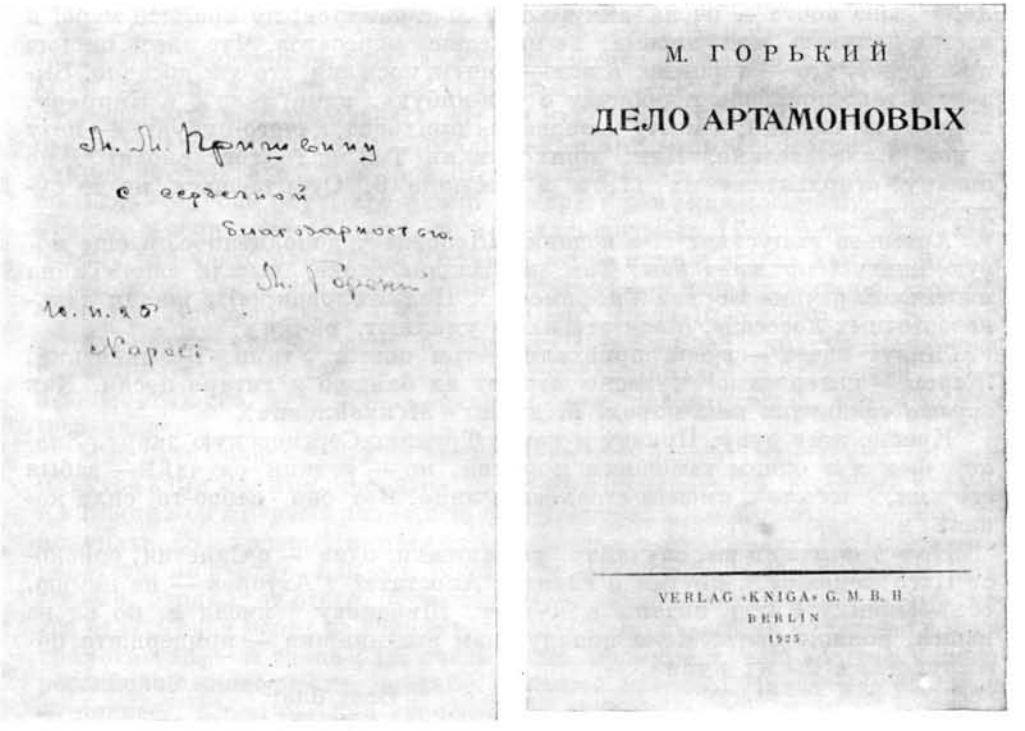
[3] Теория социального заказа была выдвинута группой Леф. Лефовцы крайне упрощенно рассматривали взаимоотношения между обществом, классом («заказчиком») и «обслуживающим» его художником, мастером.

[4] Александр Самойлович *Элиасберг* (1877—1924), переводчик, родился в России, в 1906 г. эмигрировал в Германию. В переводе Элиасберга вышли книги рассказов Пришвина: M. P r i s c h v i n. Der schwarze Araber und andere Geschichten. München, Georg Müller Verlag, 1917; M. P r i s c h v i n. Das Tier von Krutojar. München, Georg Müller Verlag, 1927.

[5] Три рассказа из цикла «Собаки»: «Война и мир», «Собачья память», «Любовь Ярика», первоначально напечатанные в «Красной нови», 1926, №№ 19, 20, 25.

[6] Седьмое «звено» романа «Кащеева цепь» — «Юный Фауст»— было напечатано в «Новом мире», 1928, № 4.

[7] В начале 1928 г. в редколлегию «Нового мира» вместо В. П. Полонского был введен критик С. Б. Ингулов (р. 1893).


М. ГОРЬКИЙ

ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ

VERLAG «KNIGA» G. M. B. H.
BERLIN
1925

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГОРЬКОГО М. М. ПРИШВИНУ НА РОМАНЕ «ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ» (BERLIN, 1925):

«М. М. Пришвину с сердечной благодарностью. М. Горький. 10.II. 26. Napoli»

Собрание В. Д. Пришвиной, Москва

28

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Сорренто. 5 февраля 1928 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович,

«Собаки» переводятся на английский [1], англичане же куда лучше французов понимают собак, в Лондоне даже собачьи клубы есть, и мамаша моего фокса «Кузьки» записана в какую-то особенную англо-собачью «бархатную», должно быть, книгу. Да-с. А вот «Кузькину» жену «Пикшу» никуда не запишешь, это такая двуличная, подло-умная уродина, — вы таких и не видывали. Французам «Собаки» тоже будут предложены — Кальману-Леви [2]— на днях.

Весьма удивлен опасением вашим: «думал, что обидел». Перечитал ваше письмо,— ничего «обидного» в нем не оказалось, хорошее письмо, как всегда [3]. Кстати: дорогой М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩,— я человек вообще не обидчивый, сердиться — могу и порою крепко, но — ненадолго и больше на себя, «про себя». Всегда как-то смешно и нелепо обижаться на человека.

Почтовые расписки не храню. Мне приносят их раз в неделю, целой кучей вместе со счетом почт⟨овой⟩ конторы, но счет, конечно, не проверяется и вместе с расписками падает в корзину. Здесь ведь почт⟨овая⟩ контора в аренде у обывателей. Письма пропадают именно на этой земле, а наша почта — очень аккуратна, мне кажется; по крайней мере, я всегда получаю мои письма, не нашедшие адресатов. Что здесь письма пропадают, это — терпимо, а вот — книги, посылки, это уж досадно. Бывает и так: пошлешь коробочку с чем-нибудь, напр⟨имер⟩, в Каррару, коробочка, шельма, к месту назначения приходит, а «чего-нибудь» — нету в ней. Замечательно. Или: приходят из Тифлиса «товсаркови» [4], по письму отправителя их 11, а в посылке 6. Огорчаешься, но не судиться же!

Арсеньев выпускает II-е издание «Дебрей» [5], дополненное, и еще новую книгу [6] пришлет вам. Там, во Владивостоке, вышла еще «Тайна маленькой речки» Бориса Трофимова [7]. Подзаголовок: «Из жизни дальневосточных лососей». Меня эти люди умиляют, ей-богу!

Живут здесь — вчера приехали — три поэта: Уткин, Безыменский, Жаров — интересные! Чудесно играют на банджо и гитаре песни. Как *хорошо* талантлив наш народ, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩.

Крепко жму руку. Приеду к вам в Троицко-Сергиевскую лавру. Знаком был я с одним тамошним монахом, но — редкий случай! — забыл его имя, а вместе с именем стерлось и лицо. Вот оно, слово-то, сила какая!

Не встретите ли вы, случайно, две книжки: одна — о Синезии, епископе Пт⟨о⟩лемаиды [8], другая о Юлиане Апостате? [9] Авторов — не помню, оба — попы. Книги изданы в 70-х гг. Шибанову [10] писал я, но он не нашел, должно быть. Если попадут вам эти книжки — придержите, пожалуйста, я бы их купил.

Всех благ
А. Пешков

5.II.28.

[1] Рассказы из цикла «Собаки» на английском языке не появились.

[2] Известное французское издательство в Париже — Кальман-Леви.

[3] См. письмо 25.

[4] *Товсаркови* (груз.) — женские украшения для головы.

[5] В. К. Арсеньев. В дебрях Уссурийского края (Описание путешествия автора в 1906 и 1907 гг.). Изд. 2. Хабаровск — Владивосток, «Книжное дело», 1928. В этом издании в качестве предисловия к книге было напечатано письмо Горького к В. К. Арсеньеву от 24 января 1928 г. Книга была послана автором Горькому с надписью: «Алексею Максимовичу Пешкову в знак искреннего уважения к нему автора. В. Арсеньев. 12/V — 1928 г., г. Владивосток» (ЛБГ).

[6] В. К. Арсеньев. Лесные люди — удэхейцы. Владивосток, «Книжное дело», 1926. Книга была послана Горькому с посвящением: «Алексею Максимовичу Пешкову от глубоко уважающего его автора. В. Арсеньев. 2.III.1928, г. Владивосток» (ЛБГ).

[7] Описка Горького. Имеется в виду книга Трофима Борисова «Тайна маленькой речки». См. письмо 22, прим. 6.

В июне 1929 г. Горький встретился с Т. Борисовым и договорился о его сотрудничестве в «Наших достижениях» (см. письмо Горького к Арсеньеву, от 7 июня 1929 г. (т. 30, № 962, с. 140). Статья Т. Борисова «Дальневосточная рыбопромышленность» была напечатана в «Наших достижениях», 1929, № 5.

[8] А. Остроумов. Синезий — епископ птолемаидский. М., 1879.

[9] Я. Алфионов. Император Юлиан и его отношение к христианству. Казань, 1877.

В письме к В. Н. Терновскому от 7 декабря 1930 г. Горький писал о Юлиане Апостате: «К личности Юлиана у меня давнее, от юности, „влеченье, род недуга“» (АГ).

[10] Павел Петрович *Шибанов* — сотрудник антикварного отдела общества «Международная книга». Горький имеет в виду свое письмо П. П. Шибанову от 1 апреля 1927 г. (АГ).

29

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

21/IV—28. Сергиев Посад.

Дорогой Алексей Максимович,

занят был окончанием «Цепи», а потом пошел ваш юбилей, ну, думаю, его и без меня забили: не буду пока писать, вот и не писал вам. Имел неосторожность кому-то сказать, что вы к Троице приедете, и вот не отобьюсь теперь от публики: когда, и как, и при каких обстоятельствах, да как бы не упустить его и проч. Невозможно! Так думаю, что если уж решиться,— «пусть рвут, все равно помереть рано или поздно придется», то можно, а если хочется жить, то приехать нельзя. Я бы, однако, приехал, потому что часто представлял себя на месте царя и всегда думал: «будь я царем, что-нибудь непременно бы выдумал и удирал время от времени с трона». Впрочем, есть и живой пример: Петра Вел⟨икого⟩.

Две ваши статьи, одна в защиту Чуковского [1], другая «О пользе грамотности» [2], последняя в особенности, привлекли к вашему юбилею многих из тех, кто ворчал. Стали поговаривать, что Горький «все знает».

Мне лично ваш юбилей на большую пользу пошел. Несколько раз упомянутое вами мое имя, вероятно, связалось до некоторой степени с вашим, и книжки мои в первый раз за всю литер⟨атурную⟩ мою деятельность стали покупать. Это хорошо, потому что силенки у меня еще есть, и хочется поработать, не считая, как всю жизнь это было, двугривенные свои. Независимо, однако, от этого личного, я могу сказать это про себя прямо: готов отдать свой успех за торжество мыслей, высказанных в статье о пользе грамотности,— я очень рад, очень меня поднимает ваш голос в защиту российской словесности, спасибо, большое спасибо! Читая вашу статью «о пользе», вспомнил ряд второстепенных авторов, по отдельным вещам которых можно учить молодых лучше, чем по большим. Из таких на первом месте стоит «Мимочка-невеста» Микулич [3] (80-е годы). Перечитайте. Какая изящная простота языка и какую революционную роль сыграла повесть в женском движении 80-х годов. И какой тоже пример спокойного и уничтожающего внимания к жизни другого, враждебного класса. Почему не относятся у нас так к «буржуазии», почему молодые не изучают так жизнь других классов, как изучили дворян? Я хочу сделать попытку в ГИЗе переиздать эту повесть, если мне не удастся, буду вас просить [4].

Был в Питере для сдачи в ГИЗ законченного 2-го тома «Кащеевой цепи» [5]. Беседовал с О. Д. Форш. Многое она рассказала мне о нравах пар⟨ижской⟩ эмиграции,— так грустно было слушать! После того стали понятны некоторые ваши статьи, от которых, признаюсь, раньше морщился. Да, это верно, в ту сторону приходится хвалить, согласен даже: хвалиться [6].

День вашего юбилея был в Детском Селе у Разумника [7], собрал публику: Толстой, Замятин, Шишков, Петр⟨ов⟩-Водкин [8], два дня говорили о вас, читали из груздевского сборника [9]. С моей статьей вышла ерунда. Я «мятежный наказ» выдумал «в пику» ненавистному мне «социальному заказу», мятежный наказ (божьей милостью) все время у меня был в игре с понятиями «социальный заказ, соц⟨иальный⟩ приказ» [10] и т. д. Но в

самый последний момент из тактических соображений пришлось половину статьи выбросить и охолостить ее, что вышло далеко не в пользу юбиляра. Но ничего, не всё в кон, можно и зá кон.

Вот с охотой у нас вышла беда, так беда! 20 апреля, самый сильный пролет вальдшнепов, разгар токов, а у нас в лесах еще снег толщиной в аршин и не тает, а вянет, измор! Когда это было: на пасхе с ребятами весь день дулись в снежки, а вечером катались в санях, как на рождестве.

Закончив 6-летний свой труд, «Кащееву цепь» [11], принялся, до новой большой затеи, осуществлять давнишнюю свою мечту, написать такую детскую книгу, чтобы она была не спец⟨иально⟩ детской, а настоящей литературой. Желанная работа, вот где настоящий экзамен таланту, мастерству и знанию! До сих пор не мог этим заняться, п⟨отому⟩ что детские рассказы при массовой халтуре их производства плохо оплачиваются. Вот бы вам тоже боевая тема; вот бы ахнуть в защиту ребенка. Конечно, надо основательно и всесторонне ознакомиться с темой, но пока что я вышлю вам свой рассказ «Луговку» [12] с заметками карандашом относительно иллюстраций. Я лично хочу «ахнуть» по-другому, сделать книгу как надо и не только сам работаю, но выискал одного неизвестного, толков⟨ого⟩ художника и натаскиваю его в деле внутр⟨еннего⟩ понимания труда и природы. Будет моя книжка называться «*Журавлиная родина*» [13] (журавли родятся у нас, а летят по всему свету), и я посвящу ее вам,— это и будет без пустых и громких слов мой посильный дар вам, юбиляру.

Приветствую, Ал⟨ексей⟩ Мак⟨симович⟩, кланяюсь из Сергиева в Сорренто.

Ваш М. Пришвин

[1] Имеется в виду «Письмо в редакцию».—«Правда», 1928, № 62, от 14 марта. В этом письме Горький возражал против резко отрицательной оценки сказки К. Чуковского «Крокодил», данной в рецензии Н. К. Крупской «О „Крокодиле“ К. Чуковского», напечатанной в «Правде», 1928, № 27, от 1 февраля.

[2] Статья «О пользе грамотности» была напечатана в газете «Читатель и писатель», 1928, № 11, а также в «Известиях», 1928, № 92, от 20 апреля (т. 24, с. 319).

[3] Микулич В. — псевдоним писательницы Лидии Ивановны *Веселитской* (1857—1936). Повесть «Мимочка-невеста» была напечатана в «Вестнике Европы», 1883, № 9. Продолжение повести — «Мимочка на водах» и «Мимочка отравилась» напечатано в этом же журнале (1891, №№ 2—3; 1893, №№ 9—10).

[4] Повесть Микулич Госиздатом издана не была.

[5] «Кащеева цепь», книга вторая.— Собр. соч., т. VI. М.— Л., Госиздат, 1928

[6] Имеются в виду статьи Горького ⟨письмо рабкору Сапелову⟩ (т. 24, с. 299), «Анонимам и псевдонимам» (т. 24, с. 301), ⟨Рабселькорам⟩ (т. 24, с. 304) и др.

[7] У Р. В. Иванова-Разумника.

[8] Кузьма Сергеевич *Петров-Водкин* (1878—1939) — художник, автор автобиографических книг «Хлыновск» и «Пространство Эвклида».

[9] См. письмо 27, прим. 2.

[10] См. письмо 27.

[11] Десятое «звено» романа «Кащеева цепь» — «Живая ночь» — было напечатано в «Новом мире», 1928, № 7. Позднее Пришвин дополнил роман еще двумя «звеньями» — «Искусство как поведение» и «Как я стал писателем» (см. Собр. соч., т. I. М., Гослитиздат, 1956).

[12] «Луговка» — рассказ из цикла «Рассказы егеря Михал Михалыча». Первоначальное название «Чибис». Впервые напечатан в альманахе «Охотничье сердце». М., «Московское т-во писателей», 1927. Пришвин имеет в виду отдельное издание рассказа для детей: Михаил Пришвин. Луговка. Рисунки Штерн. М., Госиздат, 1982. Экземпляр книги с пометами Пришвина в ЛБГ не обнаружен.

[13] Повесть «Журавлиная родина» была напечатана в «Новом мире», 1929, №№ 4—9. Несколько рассказов из повести было напечатано ранее («Новый мир», 1928, № 12). В 1933 г. вышло отдельное издание «Журавлиной родины» (художник Д. Даран), вошло в Собр. соч. Пришвина, т. 4. М., Гослитиздат, 1957. Посвящения в книге «Журавлиная родина» нет, но во вступительной главе «Неизвестные птички» Пришвин рассказал об этом своем письме к Горькому и желании посвятить ему книгу.

30

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

⟨Сергиев. Начало июля 1928 г.⟩

Алексею Максимовичу

Водоросль Claudophora [1] из озера Заболотье, Серг. уезда, Моск. г. Это растение имеется в небольшом количестве только в двух точках земного шара, в Заболотье и, кажется, в одном из озер Калифорнии (?).

В начале августа Заболотское озеро будет в целях осушения спущено, и растение погибнет. Необходимо при спуске воды окружить небольшую площадь с водорослями плотинами. Я напишу об этом в «Известиях» [2], но если случится встретиться с ботаником, хорошо бы ему тоже об этом сказать.

М. Пришвин

Датируется на основании публикации статьи Пришвина «Claudophora Sauteri» (см. прим. 2). «Как мне помнится,— вспоминает сын писателя П. М. Пришвин,— ответа на письмо отца не было, да его и не должно было быть. Я помню (по словам отца), что Алексей Максимович предпринял действия по мобилизации внимания крупных ученых биологов к этому вопросу...» (письмо в Архив А. М. Горького от 12 октября 1959 г.).

[1] Шарообразная бархатно-зеленая водоросль.

[2] Пришвин дважды писал о «клавдофоре». Первая статья, озаглавленная «Claudophora Sauteri (К делу охраны природы)» была напечатана в «Известиях», 1928, № 157, от 8 июля. В ней Пришвин призывал ученых спасти «редчайшую в мире водоросль».

Другая статья под тем же названием была напечатана в «Известиях», 1934, № 263, от 11 ноября. В ней сообщалось, что «Военно-охотничье общество решило восстановить озеро. Водоросли сохранились и могут снова размножаться».

Об этой водоросли Пришвин рассказал в повести «Журавлиная родина», в главе «Клавдофора» (Собр. соч., т. 4. М., Гослитиздат, 1957, стр. 386—392). Образ клавдофоры приобретает у писателя и более широкое значение: «Все это непередаваемое, что при себе остается круглой зеленой нераскрываемой тайной творчества, буду я называть „Клавдофорой“ ⟨...⟩ в ней пусть и будет сердце Земли, сохраняющее лучистую энергию солнца, тайну всеобщего творчества жизни» (стр. 391).

31

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Москва. 3 октября 1928 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович,

посылаю «The Dial» с переводом вашего рассказа. Журнал получил только сегодня, в октябрьском и — или — ноябрьском №№-х идут еще какие-то ваши рассказы [1].

Числа 10-го уезжаю. До свидания, до весны!

3.X.28. А. Пешков

[1] В английском журнале «The Dial», 1928, № 3, т. 85, сентябрь, была опубликована глава из девятого «звена» романа «Кащеева цепь» — «Любовь по воздуху» (M. Prishvin. Love on air. Transl. from the Russian by Marie Budberg). Очевидно, в октябрьском и ноябрьском номерах предполагалось напечатать рассказы из цикла «Собаки» (см. письмо 28), но в последующих номерах журнала «The Dial» произведения Пришвина не появлялись.

32

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

15/V—31. Загорск,
Комсомольская 85.

Дорогой Алексей Максимович!

Приветствую вас и жду хорошего, свойственного всему вашему прошлому, заступничества в деле искусства даже и в то время, когда людям не до него. Читал ваши громы и молнии против загрязнения литературы и,

как с фактом, согласен [1]. Но я думаю, это происходит от общего направления механизации и обезличивания, фетиширования машины пуще капиталистического, слепой веры в число, количество, будто бы непременно переходящее в качество не путем человеческого творчества, а просто механическим накоплением единицы. Я бы много мог сказать вам об этой беде, порождающей легионы литературных комаров и ни одного литератора. Но я сейчас хочу писать вам по личному делу и это сказал лишь от полноты горечи, переполняющей мою душу.

Вы знаете, писателей-анималистов на всем свете по пальцам пересчитать, и среди них я не последний в десятке. Вчера еще мои рассказы детские «Еж», «Гаечки», «Грач» [2] и т. п. считались классическими, а сейчас такой рассказ от меня не возьмут, ссылаясь на то, что в поступках моих зверей нет генеральной линии. Живой о живом думает, начинаешь подводить если не генеральность, то хотя бы советскость, и вот вам фунт: в результате теряется самая охота писать [3]. Дошло до того, что и сам, наконец, стал подумывать о ничтожестве зайцев и птиц в плане грандиозного строительства. Но нет! Ведь пушнина не малая статья дохода. Вот я и придумал свою звериную поэзию заключить в рамки звероводства. Один очерк я дал в «Наши дост⟨ижения⟩» [4], одновременно с письмом препровождаю другой. Считаю в биологии величайшим достижением наш Зоопарк, трудами Мантейфеля [5] и его молодежи превращенный в биостанцию, работающую как бы не в Москве, а в недрах природы. У меня явилась мысль изучить парк и написать книгу подобную арсеньевской «В дебрях Уссурийского края». Что вы думаете, если я в этой работе свяжусь с журналом «Наши достижения»? Мне думается, что журналы от моих зверей повеселеют, ведь через моих зверей люди видны, а через очерки наших рационализаторов искусств вовсе не видно людей. Они думают, будто у них не хватает учебы, на самом же деле они не смеют и не умеют просто подходить к материалу, требующему сердца, любви человеческой, а не Виктор⟨а⟩ Шкловского с его рецептурой.

Но, возможно, время требует от вас такого дела большого, что вам уж не до зверей. Напишите, или поговорим, только дайте знать, где и когда встретимся, а то теперь до вас и не долезть.

До свидания, всего хорошего!

Михаил Пришвин

[1] Имеется в виду статья «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.» (т. 25, с. 470). Впервые напечатана одновременно в «Правде» и «Известиях» от 19 апреля 1931 г.

[2] Рассказы из цикла «Рассказы егеря Михал Михалыча».

«Еж» — впервые напечатан в журнале «Искорка», 1924, № 8. «Гаечки» — в «Красной ниве», 1926, № 46. «Говорящий грач» — в «Огоньке», 1924, № 9.

Слова: «рассказы детские „Еж", „Гаечки", „Грач" и т. п. считались классическими» подчеркнуты Горьким красным карандашом.

[3] Примитивно-дидактические требования к детской литературе не раз критиковались Горьким (см. в т. 25 его статьи «Человек, уши которого заткнуты ватой», «О безответственных людях и о детской книге наших дней» и др.). В докладной записке «О детской литературе», написанной Горьким совместно с группой писателей в связи с Постановлением ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» 1931 г., говорится:

«Надо отказаться от примитивного утилитаризма, от грубой дидактики и тенденциозности ⟨...⟩

Надо снова привлечь в детскую литературу тех авторов, которые были осуждены на бездействие или не были использованы в достаточной мере из-за ошибочной политики литературных организаций, критики и издательств (Пришвин, Григорьев, Чуковский и др.)» (цит. по сб.: «М. Горький о детской литературе. Статьи и высказывания». М., Детгиз, 1958, стр. 124—125).

[4] В журнале «Наши достижения» за 1931 г. очерки Пришвина не появлялись. Позднее в этом журнале были напечатаны очерки «Берендеева чаща» («Наши достижения», 1935, № 12; 1936, №№ 1, 2, 3).

[5] Петр Александрович *Мантейфель* (р. 1882) — ученый-натуралист и охотовед. С 1924 г.— научный руководитель Московского зоопарка. В Зоопарке Мантейфель провел эксперименты по изучению охотничье-промысловых животных.

33

ПРИШВИН — ГОРЬКОМУ

Загорск. 31/V 33.

Дорогой Алексей Максимович!

Очень вы обрадовали меня своей статьей в «Литер⟨атурной⟩ газете» о моих работах [1]. Я не берусь судить, насколько верно вы оценили мои труды, но во всяком случае вы единственный сделали попытку серьезно оценить их, и тоже это единственный опыт (в наше время) критики писателем-художником другого писателя по чувству сорадования в творчестве, т⟨о⟩ е⟨сть⟩ высшей степени «соцсоревнования».

Алексей Максимович! я лично в своем поведении для себя допустил величайшую роскошь: стараться быть со всеми людьми, как с самим собой. Вследствие этого, я человек мало пригодный для политики и едва ли могу чем-нибудь помочь вам в деле устройства Союза писателей. Но мне кажется, что в личной беседе (без третьих лиц) я бы мог быть полезным человеком. И потому на всякий свой сомнительный случай имейте в виду, что с большой радостью готов идти вам навстречу.

Крепко жму вашу руку и желаю здоровья

Михаил Пришвин

P. S. В 3-й книжке «Красной нови» напечатана моя новая повесть «Корень жизни»: эта вещь моя *коренная*, я вам ее пришлю, когда она выйдет *отдельно с иллюстрац⟨иями⟩ Фаворского*. Очень желал бы, однако, чтоб вы ее теперь же прочли (полагаю, что журнал вам шлют).

[1] Имеется в виду «Письмо в „Литературную газету" о М. М. Пришвине» («Лит. газета», 1933, № 17, от 11 апреля). В марте 1933 г. редактор «Лит. газеты» С. С. Динамов писал Горькому: «Посылая вам копию статьи М. М. Пришвина „Мой очерк", присланную им для помещения в нашей газете, редакция „Литературной газеты" просит вас дать в связи с этим статью или письмо о творчестве М. М. Пришвина. „Мой очерк" дает очень субъективную характеристику творческого пути Пришвина, и было бы желательно, чтобы вместе с этой характеристикой была напечатана ваша оценка роли и значения этого большого и интересного писателя» (АГ).

Статья Горького была напечатана в «Лит. газете» вместе со статьей Пришвина «Мой очерк».

34

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Москва. 28 апреля 1934 г.⟩

Михаил Михайлович, дорогой —

получив «Жень-шень» [1], я — мысленно — поблагодарил вас за добрую память, а написать вам — не собрался, в чем искренно винюсь. В отдельном издании поэму эту еще не прочитал, читаю «для себя» — мало, времени нет. Да и книгу теперь трудно найти: приехала библиотека из Сорренто, двое книголюбов [2] пытаются привести в порядок все мои книги и пока еще не достигли порядка.

История с рукописью для «Б⟨еломорско⟩-Б⟨алтийского⟩ канала» [3] — не ясна для меня и очень длинна, поговорим о ней при свидании. «Доступ публики» ко мне закрывается и ныне закрыт по причине крайней дряхлости моей и легкой утомляемости. Силы — падают. На днях суток трое обильно кровохаркал и сейчас напрягаю все силенки для 1-го Мая.

Не думайте, пожалуйста, М⟨ихаил⟩ М⟨ихайлович⟩, что мое отношение к вам как-либо переменилось, нет —вы для меня один из оригинальнейших национальных литераторов, большого таланта и великого упрямства человек.

Будьте здоровы! Это — замечательно хорошо — быть здоровым.

А. Пешков

[1] Отдельное издание повести «Жень-шень, корень жизни» (М., 1934, художник В. А. Фаворский) Пришвин послал Горькому с дарственной надписью: «Максиму Горькому от чистого сердца. Михаил Пришвин. Загорск. 3/III—34» (ЛБГ).

[2] Иван Павлович Ладыжников и Георгий Леонардович Подольский.

[3] Осенью 1933 г. Пришвину передали предложение Горького написать очерк для коллективной книги о строительстве Беломорско-Балтийского канала (М., изд. «История фабрик и заводов», 1934). Однако очерки Пришвина «Отцы и дети (Онего-Беломорский канал)», напечатанные в «Красной нови», 1934, № 1, по невыясненным причинам не вошли в книгу «Беломорско-Балтийский канал». В том же 1934 г. «Отцы и дети» вместе с ранними очерками были опубликованы в книге под названием «В краю непуганых птиц» (М., ГИХЛ, 1934).

35

ГОРЬКИЙ — ПРИШВИНУ

⟨Москва. 21 января 1935 г.⟩

Дорогой Михаил Михайлович —

виноват пред вами, запоздал ответить на вопрос ваш по поводу издания Собрания сочинений ваших [1]. А теперь — как будто — вы уже и не нуждаетесь в ответе, ибо, слышал я, Накоряков заключил с вами договор по изданию его [2].

Спасибо за обещание дать материал «Колхознику» [3]. Мы пустили бы его в зимние книжки, когда у людей деревни есть время читать. Простите, пишу неразборчиво, очень устал, руки трясутся.

Всего доброго.
А. Пешков

21.I.35.

[1] В письме от 8 декабря 1934 г. Пришвин сообщил Горькому о желании выпустить новое собрание своих сочинений (см. прим. 2). «Обратите внимание,— писал Пришвин,— что книги мои не есть простое переиздание, что для уверенности в необходимости их переиздания я вновь объездил места на севере, где был 30 лет тому назад, и благодаря этому отметил новые достижения» (АГ).

[2] Николай Никандрович *Накоряков* — в то время директор Госиздата. В 1935—1939 гг. было выпущено Собр. соч. Пришвина в четырех томах: т. I. «Север». В том вошли очерки «Отцы и дети», написанные в 1934 г. (см. письмо 35, прим. 3) и очерки «В краю непуганых птиц», напечатанные в 1905 г.; т. II. «Кащеева цепь»; т. III. «Жень-шень»; т. IV. «Берендеева чаща».

[3] В письме Пришвину от 20 июня 1934 г. (т. 30, с. 351—352) Горький просил дать рассказ для вновь организуемого журнала «Колхозник» и библиотечки при этом журнале.

В цитируемом выше письме Пришвин писал по этому поводу: «В скором времени я доставлю в „Колхозник“ свою работу, и, надеюсь, в известной мере, она ответит запросам конкретного колхозника.

Вместе с тем повторяю, что я охотно готов обработать любую свою вещь для той библиотечки, о которой писали вы в своем последнем письме» (АГ).

В журнале «Колхозник», 1935 г., № 4, Пришвин опубликовал четыре рассказа под общим названием «Календарь природы».